

АВГУСТ 8/88

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР. ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА.

ISSN 0131-5994

Москва, 125015,
Новодмитровская ул.,
дом 5а, "Ровесник".

ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКАЕТСЯ НА ПУБЛИКАЦИЮ

Уважаемая редакция!

Моя благодарность А. Поликовскому за хорошую статью «Поезд» (см. «Ровесник» № 1, 1988 год) и восхищение молодыми людьми из Бельгии, чей энтузиазм и недюжинные организаторские способности смогли довести до конца замечательную идею. Хотелось бы надеяться, что сама идея на этом себя не исчерпала и логическое завершение ее в виде ответного поезда «Москва — Брюссель» впереди. Вот дело, которое может стать реальным вкладом молодежи в осуществление прогрессивных изменений в международной жизни, порожденных «новым мышлением» нашего руководства; дело, которое будет способствовать преодолению предубеждений и предрасудков, возникших не всегда и не только по вине штатных антикоммунистов. Молодые бельгийцы сделали первый шаг к сближению наших народов, которые так мало знают друг о друге. И ведь они затеяли не просто «мир посмотреть и себя показать», они привезли конкретные предложения общих дел. По сути, это предложение диалога, который может завершиться взаимовыгодным сотрудничеством.

Если я правильно понимаю, теперь ответ за нами. И здесь нужна не просто организаторская деятельность, нужна «реклама» идеи сотрудничества; необходимо, наверное, преодоление тех «тормозных механизмов», которые совсем не нужны поезду дружбы для нормального движения. Почему бы «Ровеснику» вместе с Комитетом молодежных организаций СССР не заняться этим живым делом? Для начала можно было бы опубликовать материал о дальнейшем пути бельгийцев через нашу страну в Китай, о том, что думают участники вот уже почти через год после возвращения. Необходимо более полное и подробное ознакомление нас с их предложениями сотрудничества. И, наверное, естественно предположить создание демократичного и гласного механизма отбора наших участников поезда, если таковой действительно мыслится.

Юлия Николаева-Пасухина, г. Пущино

Дорогие товарищи!

Я курсант Высшего воздушно-десантного училища. С детства интересуюсь историей Древнего Востока. Может быть, именно поэтому с таким большим интересом прочитал в апрельском номере вашего журнала материал

Александра Каменецкого «Я люблю у-шу». Меня очень увлекают культура, обычаи, законы Востока. Меня всегда интересовало то, как безоружные китайские крестьяне боролись за свою свободу с вооруженными воинами. Я считаю, что история каратэ — это часть общей истории Древнего Востока. В настоящее время это мощное оружие попало в руки сомнительных дельцов. И каратэ стало не возвышать человека, а убивать. Хотелось бы прочитать на страницах вашего издания материалы о возникновении восточного рукопашного боевого искусства и о его развитии в наши дни.

Заранее благодарен

Виктор Бойко

...ВЫСКАЗЫВАЕТ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ

Уважаемые товарищи!

В последнее время в наших газетах и журналах все чаще появляются слова: «народная дипломатия». Имеется в виду, что народы берут дипломатию в свои руки, начинают прямое общение между собой. Конечно, в таком прямом общении людей из разных стран мира — интеллигентов, рабочих, крестьян, фермеров, молодежи и людей старшего возраста — залог мира и взаимопонимания. Я за народную дипломатию. Но тем не менее мне почему-то неприятно читать восторженные очерки и статьи о том, как в Нью-Йорке или Москве встретились советский человек и американец, поговорили и пожали друг другу руки. Мне кажется, что восторг преувеличен. Ведь интернациональное общение занимает пока что в нашей жизни очень небольшое место. Не превращаем ли мы народную дипломатию в очередную пропагандистскую кампанию, не обманываем ли мы сами себя, выдавая наши немногочисленные (скажем честно!) контакты с людьми из других стран за что-то важное и большое, что могло бы создать мир на Земле?

Давайте смотреть на вещи реально! Пока миллионы советских граждан не получают возможность встречаться, обмениваться мнениями и спорить с гостями со всего мира — до тех пор народная дипломатия будет в лучшем случае красивой мечтой.

Ольга Черных, Москва

...НЕГОДУЕТ

Уважаемая редакция!

Известно ли вам, что журнал «Ровесник» № 3 за 1988 год вышел на газетной бумаге?

Хотелось бы надеяться, что это случайное упущение снабженца бумагой, которого надо крепко наказать, а не сознательный «вклад в перестройку» на 26-м году существования журнала. Двигаясь в этом направлении, можно докатиться до применения бумаги туалетной.

И это при довольно высокой художественности и информативности

большинства печатаемых материалов. Особенно глубоко и содержательно ваш журнал освещает вопросы рок-музыки, чем завоевал уважение не только молодежи.

Вряд ли нужно говорить, что именно для молодежи внешний вид, оформление имеют не последнее значение, ведь она видит и зарубежные издания, сравнивает... К тому же сейчас любые изменения связываются с перестройкой, и в этом плане ухудшение качества бумаги дискредитирует журнал, выглядит идеологической диверсией, если не является ею на самом деле.

Нехорошо, уважаемая редакция. Тем более что цена журнала не изменилась. А что по этому поводу думает ЦК ВЛКСМ, органом которого вы являетесь?

Шкапа Н. М., г. Киев

...ПРОСИТ РАССКАЗАТЬ

Здравствуйтесь!

Хотелось бы узнать, как воспитываются дети в семье со средним достатком в ФРГ. Мне очень хотелось бы знать, как воспитывают красивую манеру поведения, умение себя вести в немецкой семье. Как воспитывается девочка в немецкой семье и как мальчик? Расскажите об элементарных вещах, ведь хочется знать повседневную жизнь немецкой семьи в ФРГ. А что, если бы ваш корреспондент в ФРГ написал бы статьи, в которых бы говорилось не о политике, а о людях, о том, как они живут, как работают, какая у них зарплата, как работают магазины, довольны ли немцы своим телевидением, кинотеатрами, дискотеками, ресторанами, столовыми, транспортом, что немцы читают, какие журналы популярны, есть ли в ФРГ конкурсы красоты, как немцы отдыхают, как относятся к себе как к нации и т. д. А есть ли музыкальные журналы, посвященные современным талантам? Почему немцы все честны, аккуратны, умеют себя вести, педантичны, веселы и говорливы? Почему они такие? Пожалуйста, все о ФРГ! Очень буду ждать. Но пусть корреспондент расскажет о немцах так, как он бы рассказывал близким друзьям, в теплой обстановке. Было бы здорово, если бы вы организовали цикл статей о западных немцах, о жизни ФРГ. Спасибо. До свидания.

Лена Жданова, г. Львов

Здравствуйтесь, уважаемые члены редколлегии!

Хочу предложить вам открыть в «Ровеснике» новую рубрику, в которой рассказывалось бы о странах, имеющих общую границу с СССР. Ее можно было бы назвать «Наши соседи». Для начала под этой рубрикой стоит поместить флаг, герб и некоторые географические данные об интересующих нас странах. Далее пошли бы статьи и заметки о проблемах этих государств, о жизни, работе и отдыхе молодежи, о спорте и искусстве народа. Важно, что-

бы эти публикации были хорошо проиллюстрированы. Ну вот, пожалуй, и вся моя просьба. Хотелось бы получить ответ на мое предложение.

Сергей Носков, г. Ленинград

Уважаемая редакция!

Мне очень понравился рассказ американского писателя Томаса Диша «Птицы» в мартовской книжке «Ровесника». Он затрагивает важнейшие для жизни человечества проблемы экологии. Умоляю вас, публикуйте побольше заметок об экологическом воспитании молодежи, о проблемах развития нашей цивилизации.

Михаил Чубрин, пос. Протвино

...СПРАШИВАЕТ

«Ровесник»,

пишут вам девочки из английского кружка города Балаково.

Мы очень хотели в этом, 1988 году выпустить какой-нибудь английский журнал, желательнее рассказывающий о жизни английских ребят, о различных ансамблях Англии, об известных актерах английского кино. Но наша затея не удалась, ведь мы не знаем даже десятка журналов, выпускаемых издательствами Англии. Мы слышали, что можно выпустить любые зарубежные журналы и газеты, но не знаем, в любых ли почтовых отделениях можно их выпустить?

По поручению девочек кружка английского языка,

Светлана Пейштек, г. Балаково

Дорогой «Ровесник»!

Мы прочитали в «Комсомольской правде» о том, что в Москве состоялся конкурс «Московская красавица». Хотелось бы узнать, как подобные конкурсы красоты проводятся, скажем, в Великобритании и какие критерии предъявляются к участникам конкурса. Было бы любопытно получить информацию и о тех компаниях, которые являются спонсорами подобных соревнований. Разумеется, подобные материалы необходимо снабдить большим количеством цветных фотографий.

Егоров, г. Стерлитамак

Меня, как будущего моряка заграничного плавания, волнует то, что нашим морякам не разрешают посещать рок-концерты в иностранных портах. Почему? К. Иващук, студент ДВГУ, г. Владивосток

...ДЕЛИТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

Нигде я не слышал ничего подобного, что услышал на лекции «Музыка и наркотики». Эту лекцию в нашем училище проводил лектор Кузнецов из Киева. Вкратце перескажу содержание этой лекции.

Товарищ Кузнецов начал издавна: в 1953 году, сразу после смерти Сталина, в Нью-Йорке собрались главы разведывательных управлений НАТО. Ре-

шив, что агрессивное нападение на СССР обречено на крах, они решили подорвать СССР изнутри. Большую ставку они сделали на рок-музыку, с целью посорить старшее и младшее поколения в СССР. Затем лектор поведал нам о переводе некоторых терминов из музыкального обихода. По его словам, «рок-н-ролл» в переводе означает «движение тела при любовном акте» (он так и сказал, предупредив нас, что об этом говорить вслух нельзя, но это именно так!). Слово «панк» имеет значение «проститутка обоих полов». А слово «диско» возникло еще в Древнем Риме. Так называли там металлические диски для уничтожения неприятельских стен. Сейчас это слово можно перевести как «дискометание в мозг», то есть наши враги метают диски **грязной** музыки для разбития нашей нравственности. Далее лектор остановился на вопросе происхождения рока. В любой рок-музыке, сказал товарищ Кузнецов, присутствуют так называемые «бит-ритмы». Впервые «бит-ритмы» были записаны фирмой грамзаписи «Атлантик» за деньги у племени людоедов в Африке. Кстати, по его словам, отсюда же пошел брейк-данс. При съедании своей жертвы они (то есть дикари) издавали короткие удары о бубен — «бит-ритмы»; и страсти накалялись. Человек с малых лет начинает понимать и запоминать, что можно и что нельзя. С малых лет он ощущает свою принадлежность к национальной культуре. У него в мозгу остается запись самосознания. Бит-ритмы как раз и стирают эту запись. И человек, танцующий или слушающий рок, превращается в животное, забывает, кто он есть, и в состоянии сделать все, что угодно.

Товарищ Кузнецов продолжал: однажды в Канаде прослушали пластинку «Битлз» «Революция № 9» и еще одну пластинку группы «Лед зеппелин» «Лестница в небо» в обратном порядке. Оказывается, на этих пластинках записан призыв к расизму. Там призывы такого рода: «Ребята, сегодня к нам зашли пятеро черномазых, возьмем же стулья и разможем им головы!» На одном из концертов этих музыкантов так и было. В конце лекции товарищ Кузнецов предостерег нас, молодежь, что некоторые люди сейчас во время перестройки, прикрываясь гласностью, стремятся втянуть нас в болото музыкальной наркомании.

Эта лекция возбудила многочисленные споры. Ведь если дело обстоит так, как рассказал товарищ Кузнецов, надо немедленно закрыть все «окна» и замазать все «щели», дабы к нам, в Советский Союз, не проникла зараза рока. Если же нет, то интересно было бы узнать, кто ему (Кузнецову) платит деньги и за что. Глубоко верю в компетентность журнала, который поможет нам разобраться в этой сложной ситуации.

Козерин А. С., учащийся СПТУ,
Днепропетровская область,
г. Павловград

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Нина Чугунова. АФГАНСКИЕ ЗВЕЗДЫ
9. Жак-Ив Кусто. ОСКВЕРНЕННОЕ МОРЕ
11. Черил Дэвис. Я — ИНВАЛИД
12. Марина Влади. ВЛАДИМИР, ИЛИ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ
14. Владимир Симонов. БЕЗ КАРТЫ
15. РОК-ЭКЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Наталия Рудницкая. НАШЕ ВАМ С КИСТОЧКОЙ
20. Дельфина Пинель. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ НА «РЕНО»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Алексей Поликовский. БЕК-КЕР-2022
27. Патрис Боллон. GRAPPELLI
28. Энтони де Куртис. НОСТАЛЬГИЯ

Ровесник 8/88

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

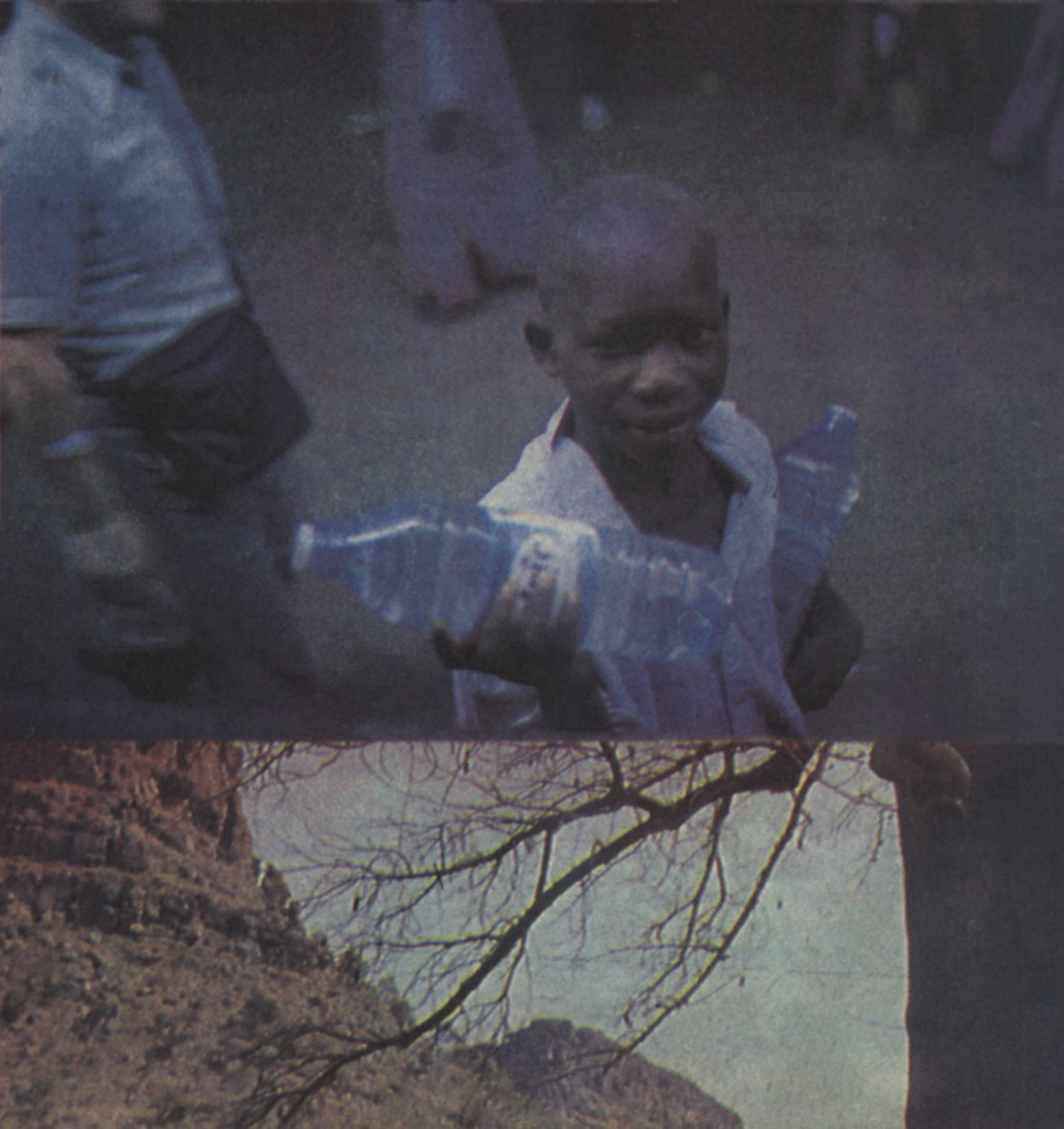
Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА,
Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ,
В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
А. Л. Анисимова
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП,
Новодмитровская ул., 5а. Телефоны:
285-89-20 — для справок, 285-80-62 —
отдел писем. Перепечатка материалов
разрешается только со ссылкой на еже-
месячник.

Сдано в набор 16.06.88. Подписано в
печ. 14.07.88. А03184. Формат
84×108. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-
изд. л. 5,7. Тираж 2 400 000 экз. Це-
на 35 коп. Заказ 131.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объеди-
нение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Сущевская ул., 21.

...вы не бывали в Африке!

— Да тысячу раз,— скажете вы и будете правы.

Мы тысячу раз видели Африку на экране телевизора, на картинках книг и так хорошо ее себе представляем, что... что, явившись в Африку, лишь руками разводим, прощаясь с нашими представлениями.

Но велика сила стереотипа, питающегося нашей ленью: лень взглянуться, лень прочитать что-то еще «по данной теме».

Вот человек отправился в Мали в служебную командировку, две недели пробыл, нисколько не загорел, вернулся и говорит: а в Африке вообще трудно загореть. Такое, говорит, солнце.

Две недели подряд он снимал страну. Он принес в редакцию девяносто шесть слайдов. Мы скорее задернули синие шторы и стали смотреть.

Мы увидели сумрачную землю. На горизонте рыбьими косточками прицепились велосипедисты. А мы и не знали, что под солнцем, под которым так трудно загореть, процветает невиданная страсть к велосипеду.

Мы увидели людей в цементной пыли и узнали, что завод построен с нашей помощью. Мы взгляделись: одно лицо под белой пылью было белым, а другое черным: советский и малийский специалисты смеялись, обнявшись.

Мы увидели розовое дерево в царском закате.

— Красная пыль, красного цвета,— сказал фотограф, меняя слайды в синем мраке кабинета,— въедается в кожу, в одежду, трудно отмыть. Она крепче загара.

А мы и не знали, что земля в Африке сильнее солнца.

— Смотрите, смотрите,— кричало с каждого слайда.

Дети спали, старики сидели на земле, и земля была сильнее всего на свете. Африканский нестерпимый мир полыхал там, и казалось, только красной пылью, навсегда въевшейся в наши лица, не хватало нам для полного ощущения присутствия, о котором каждый может только мечтать.

Из почти сотни слайдов мы выбрали пять для рубрики «Смотрите» и один — закутанное лицо малийского рабочего — для первой страницы обложки.

Теперь мы сидим над этими слайдами, смотрим и думаем: возможно, нами руководил стереотип восприятия и оценки, внушивший нам, что человеческое лицо есть самый интересный объект для внимательного рассмотрения! И что при условии внимательного рассмотрения лицо может сказать все, вплоть до красной пыли, въевшейся в кожу, а ее вкус уже начинаю ощущать, пока пишу!..

Хоть сколько-нибудь ощущается! Скажи ты.

Н. НИКОЛАЕВА
Фото Е. СТЕЦКО

смотрите

АФГАНСКИЕ ЗВЕЗДЫ

Нина ЧУГУНОВА

Фото А. ГРАЩЕНКОВА

В начале октября прошлого года в Москву вернулся студенческий строительный отряд, работавший в Кабуле. Почти все его бойцы были «афганцы».

Москва встретила не всех. В Кабуле в госпитале оставался Виктор Свеженцев, студент пятого курса Челябинского политехнического института. В газете об этом не написали, чтобы не омрачать радость встречи, но даже отсутствие простой фразы «вернулись все» заставило сильно волноваться тех, кто ждал.

Едва прилетев к себе в Челябинск, рванул на ночном поезде на станцию Бреды Сергей Меркулов. Он просидел в вагоне восемь часов, сошел в Бредах, в темноте отыскал одинокий, стоявший в чистом поле перед железной дорогой дом путевого обходчика Свеженцева и, вошед задолго до рассвета, сказал отцу друга:

— Витёк вернется.

— Я по телевизору увидел, что Витьки нет с вами,— сказал отец.— Все понял. Он к горящему вертолету бегал?

— Бегал,— сказал Меркулов.— Вы в газете читали?

— Мне все ясно,— сказал отец.

— У него просто повысилась температура. Может, простудился.

Это была чистая правда, которой отец не поверил: с одной температурой в госпиталь не кладут. Он думал: ранен, конечно.

Витя Свеженцев умер в Кабуле несколько дней спустя после этого разговора. Двадцатого октября старосту группы АТ-534, где он учился, вызвали в комитет комсомола. «Только ребят пока не волнуй»,— сказали ему зачем-то напоследок. Рашит Бахтиев вошел в аудиторию, не веря тому, что услышал только что.

— Бросайте все,— сказал он.— Витя умер.

Два дня ждали прибытия Ан-12, спецрейса, называемого на языке военных «черным тюльпаном». Сергей Мерку-

лов снял с самолета гроб. В Бреды пошел ЗИЛ, за ним автобус. Меркулову сказали: садись с людьми в автобус, дорога долгая. Но он проехал весь путь в кабине ЗИЛа.

В Бреды прибыли в первом часу ночи. Увидели, что к клубу идут и идут люди. Так продолжалось всю ночь. По часу стояли в почетном карауле (здесь был почти весь отряд, один не долетел из Днепропетровска, застрял в Москве из-за непогоды, другого в Ленинграде не застала телеграмма, но в общем были все).

Утром пошел снег.

Отец, подойдя к Меркулову, сказал: «А ведь ты мне обещал: вернется». Когда стали выносить, сестра упала без чувств. Снег опускался на непокрытые головы. Кто-то сказал: мы выстроим новую улицу и назовем его именем.

Над могилой выстрелили в воздух. Тут оказали помощь военные из ближайшей части, дали оружие и холостые патроны по числу бойцов. Воздух был сухой, морозный, и залп прозвучал сухо и резко.

Помянули как положено.

Кабульский отряд простился с одним из лучших своих ребят.

В небе над Бредами загорелась афганская звезда.

(Памятник над могилой был поставлен в короткий срок из хорошего зеленоватого мрамора. Только фотография неудачная. Непохож.)

Прошло примерно сорок дней. В Челябинске зима была в полном расцвете. В коридорах политехнического валил беспечный народ.

Рашит Бахтиев нашел пустую аудиторию. Десять человек из группы АТ-534 устроились у окна.

— Кто служил в Афганистане?— спросила я.

— Никто, кроме Вити,— сказали они.

Тогда я раскрыла блокнот на первой странице, где рассказ Сергея Меркулова начинался словами: «Армия не вычеркнутые годы».

АРМИЯ НЕ ВЫЧЕРКНУТЫЕ ГОДЫ

«В Кабул вылетели через Ашхабад на Ту-154. Вышел — не хватает воздуха. 15 мая: у нас березы распустились! Сошли с трапа — и увидели дембелей. Дембеля все здоровые, усатые, все с наградами. Взглянул я на друзей — зеркала-то нет на себя смотреть — зеленые салаги. А перед тобой — мужики.

— Неужели и я стану таким дедом?

Из нашей роты прилетело много, теперь стали разбирать, и я попал в разведроту десантной части, со мной из нашей роты еще два человека. С одним мы так и на дембель ушли, а другому вышла командировка в Союз, отбирать пополнение. Сначала хотели послать меня, и я думал, что надо просто съездить за молодыми, и сказал себе:

— Кончается Афган!

А потом узнал, что возвращаться не надо будет.

— Как это: я уеду, а мужики?

И стал упрашивать и не уехал.

Афганистан не делает человека лучше, чем он есть. Но если ершист, он обломает. Если дружбы настоящей не знал — узнает чувство локтя, и такое чувство, что тебя ни за что не оставят, что бы с тобой ни случилось.

Ранен ты, убит ли — будешь со своими. Вытащит тот, кто был рядом. Или бросится на помощь «пинцет».

Я не забуду случай, когда офицер в подобной ситуации всего лишь замешкался: лезть ли под пули,— и был после отвергнут всеми офицерами и перестал быть уважаем солдатами.

Наш комроты старший лейтенант Линцов заработал себе уважение тем, что никогда не прятался, даже на самых опасных участках, но в то же время не упускал командования и был самым собой, а в солдатском коллективе быстро раскусят фальшь.

Особенно — там.

Там слишком все ясно.

ОТРЯД

— Кому нужен был «кабульский» строительный отряд? — спросила я тогда Сергея Меркулова (в воспоминаниях он не был последователен, и собственно Афганистан, «Афган» пережегнулся с Отрядом, так это и осталось в записях, менять ничего нельзя).

— Мне,— сказал он.— Витьку нужен. Всем нужен был. Мы же с идеей стройотряда афганского дважды до Москвы доходили. В восемьдесят четвертом нам ответили: «Обстановка не позволяет». В восемьдесят пятом был фестиваль. На $\text{H} \text{H} \text{H}$ Витьком в институте шестьдесят шесть «афганцев», я ходил в горьком, обойдя институтский комитет комсомола, чтобы не «зарешали» они

этот вопрос, чтобы в бумагах не потонул. В горкоме и обкоме обрадовались, звонили в Москву. В третий раз я, правда, дергаться уже не стал, не верил.

Я стал так считать, что все равно зарубят, хоть сто раз пиши, звони...

ВИТЕК

«А с Витьком мы познакомились на каком-то совещании. После возвращения стали меня таскать на совещания, где я должен был сидеть в президиуме. Это было мне тошно, противно. Я смотрел в лица и думал: теперь я буду всю жизнь отдуваться за Афганистан. Там — была жизнь, там были свои мужики. Здесь я сижу, нацепив орден, за столом, но ты хоть меня убей, не пойму, какую пользу я приношу своим сидением? Пустите меня в школу к восьмиклассникам, я им расскажу, что есть армия, заодно расскажу, что армия есть ОТК жизни. Я Афган не забуду, меня туда тянет, не могу понять почему. Там домой тянуло, вернулся — хочется вернуться, увидеть своих, хоть и не тех своих, кто был с тобой, но хотя бы ту же роту...

Когда пришлось писать некролог по Витьку, прислали нам корреспондента, и он тоже все пытался понять. Я старался, но толком не объяснил, потому что он вдруг сказал:

— Афган для вас наркотик.

— Ты что, чудака, — сказал я, — как ты рассуждаешь просто! Тут специалист должен разобраться. Специалист, а не мы с тобой! С другой стороны: знаю, как всех, кто служил, скажем, на границе, тянет потом на свою заставу. Но как объяснишь ты кому-то наверху, что тебе нужен специальный пропуск в погранзону, чтобы... что? Чтобы прийти и увидеть ту часть земли. Два парня у меня знакомых служили на китайской границе, тогда всякое бывало. Они поймут.

Итак, покоя нам не давали. Хорошо хоть в этом году Паша Кузнецов знамя носит. Он с двумя орденами.

Витек до того живой был, что ему больше всего это не нравилось. Так что идея стройотряда была гениальной, спасительной. Но на третий раз, повторяю, моей веры не хватило».

ВЕРА В ИДЕЮ

Сергей Меркулов был не единственный «афганец», кому пришла в голову идея строительного отряда. «Не только я один вылез, к счастью», — сказал он. Эту идею невозможно было удерживать в запрете. Люди просили, настаивали, угрожали крупными неприятностями. Потом даже девчонки стали писать. И вот на двадцатом съезде комсомола кто-то вышел и прямо с т р и б у н ы, неподготовленный, ни с кем не советуясь, как шарахнет: нужен стройотряд! Потом он, как рассказывали, имел крупные неприятности.

Так или не так было на самом деле? Версия Сергея Меркулова похожа на правду, а главное — она обнадеживает как отличное доказательство победы веры в идею. Впрочем, до какой тоски можно доиграться, когда взамен настоящей жизненной идеи тебе пред-

лагают вносить и выносить знамя. Нужно только правильно понять «афганцев». Никто не против почетной обязанности знаменосца. Но жизнь не может состоять из одних почетных обязанностей. Конечно, это дело специалистов, а то можно сказать и так: идея стала как наркотик. А это неверное слово. Опять можно неправильно истолковать.

ВИТЕК

«После четвертого курса были военные сборы. Я был старшиной роты, а Витек был замполитом другой роты. Он по своим делам замполитовским прибыл ненадолго в Челябинск, где вдруг его ошарашили приглашением в отряд. Он сказал: мне надо посоветоваться, — и в тот же день вернулся, явился ко мне.

— В Афган хочешь?

А сам улыбается ненормально. Я не поверил, решил, что он издевается. Он говорит: правда. Говорит: давай подумаем вместе.

— Чё думать, — кричу ему. — Ехать надо!

И все не верили и не верили. Лишь в Москве стало вериться с трудом. Но вылет откладывали и все казалось: вот так и будут тянуть, тянуть, а после вдруг и зарубят отряд».

ПРОВОДЫ

Я помню прощальную пресс-конференцию. Все были в сборе. Все как на подбор. Все на одно лицо. Отличная форма. Был момент: человек встал из-за стола и пересел, явно прячась от телевизионной камеры. Это был Сергей Меркулов.

— Поднимите руку, у кого есть любимая девушка, — сказала секретарь ЦК ВЛКСМ Л. Швецова. — Ну, что ж так скромно. А кто танцует, поет?

Железные ребята с железными нервами: это первое впечатление.

«Уехал я, матери не сказав, зная, сколько слез пролила она, ожидая. Да и мог себе представить, что она предприняла бы, лишь бы остановить меня. Спокойно об Афганистане она слышать не может. Ну и я... не могу. Так что я пошел на обман, сказал, что опять еду в стройотряд, на этот раз в тайгу, откуда письмо можно прислать, но куда писем писать не надо, не дойдут по тайге. Заготовил письма, в страшных муках рождая каждую строчку. Раньше я писем почти не писал, но тут надо было. Смог изготовить четыре письма, где скупое сообщал, что тайга красивая, столовая недалеко, кормят горячим, а по вечерам мы играем в волейбол. Потом мать сказала: очень правдоподобные письма, — но не простила. Да, ну и про речку что-то сочинял. Пронумеровал письма и отдал парню с нашего факультета (он выезжал главным инженером зонального отряда), чтобы из области бросал с разрывом в неделю примерно. В Москве я бегал от телеоператоров, чтобы ненароком не мелькнуть».

Но когда уже стали работать, приехал к нам Миша Кожухов из «Комсомолки», посидел с командиром, по-

смеялся моей истории, клятвенно пообещал, что не напишет и очень убедительно заверял командира... А после вдруг приезжает и говорит, улыбаясь: наверное, Меркулов со мной здороваться не будет.

В газете было написано все верно. И про мину, которую собака Рада нашла перед самой работой в один из дней (ежедневно котлован обходили саперы), и про упавший вертолет. И про меня.

— Если б мать была здорова, — только и сказал я Мише.

Надо было до конца одному Витьку и доверять».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НОМЕР ДВА

«Ладно, это дело специалистов — разобраться, почему тоска по Афганистану начинает точить сердце «афганца» и становится сильнее вчерашней тоски по дому. Крест это или звезда афганская? Раз вернулся. Теперь, получается, надо вновь возвращаться».

Их было двадцать. Семнадцать служили в Афганистане. У тех, кто служил, закрепился т о т Афганистан. У каждого, следовательно, был свой. И каждый к своему возвращался. В меркуловском Афганистане жили в палатках, воду возили на водовозках, на кухне воду обязательно кипятили. Экономили очень воду.

И вот прилетели, прибыли в расположение части, где жить.

«Заходим в модуль — кран водопроводный. А мы, бывало, сутками без воды сидели, натерпелись, и кран полностью открыли, а после намертво завернуть — это первое дело, вечная привычка. Теперь у солдат такой привычки нет, вижу, что нет. Стемнело, свет включили. Шура Каландаришвили: «Мужики, что свет включили, сейчас стрелять будут!» Старое вспомнил.

В части заасфальтированные дорожки, чистота. Дождавшись момента, я отпросился в свою часть, а Витек побежал в свою батарею, он в арtpолку служил, на полгода призывом младше меня был. ...Все знакомое, абсолютно все! Горы увидел, те, что излазил. На следующий день приступили к работе. И так загорелись ребята, что за день сделали план трех или четырех даже дней!»

РАБОТА

В стройотряде, если он работает где-нибудь дома, в Союзе, распорядок дня жесткий — весь световой день. И требования к человеку в стройотряде жесткие: требуется отдавать работе все силы.

В Кабуле было немного по-другому. Работали не допоздна. В восемь утра, позавтракав в офицерской столовой, отправлялись с тремя БТРами охраны, саперами и собакой Радой на котлован.

Домостроительный комбинат, построенный при помощи СССР несколько лет назад, теперь нуждается в большой реконструкции. Главный инженер комбината при встрече сообщил ребятам, что, кроме увеличения жилищного строительства, реконструкция по-

зволит погасить безработицу. Сейчас на комбинате работает пять тысяч человек. Сила в основном неквалифицированная. Принимают и стариков, и женщин, и подростков. Заработок небольшой — в среднем 4—6 тысяч афганей в месяц. Для сравнения: за сорок дней работы каждый боец отряда заработал по 11—12 тысяч афганей (все средства были, как известно, перечислены в фонд ДОМА).

Работа для отряда была подготовлена такая. Первый объект — фундамент под трансформаторную станцию. Второй — фундамент под небольшой арматурный цех.

В строительстве комбината участвовал отец Сергея Масленникова из центрального штаба ССО. Афганцы долго жали руку Сергею.

Утром и после обеда работа начиналась с того, что саперы проходили со щупами и Радой по днищу котлованов. Кто читал газеты, знает, что в один из дней собака Рада обнаружила в котловане мину.

АФГАН

«Перед самым отъездом, перед пресс-конференцией, нас предупредили, что, возможно, на ней будут присутствовать иностранные корреспонденты. И что надо быть готовым ответить на любые, даже провокационные вопросы, чтоб не стояли как молотком пришибленные. Например, могут спросить: «Что побудило вас прилететь снова? Уж не совесть ли загрызла?»

Но ответа на такой вопрос нам не подкинули: сами думайте. Я стал думать. Нет, не ностальгия. И даже не родство... не родство с этой землей. Со своим родство! Но ответить одним словом трудно.

В бою все ясно, все по-честному. Был у меня случай — хотел пожалеть и сам чудом жив остался... Дух дал очередь не целясь. Не знаю, как он с пятнадцати метров не попал. Помню его лицо: глаза дикие, смотрит, чувствует, что его убивают. Бой был тяжелый, и тогда Сашу Широких подстрелили, две пули попали в затылок, одна в живот... лежал среди камней. «Пинцет» прибежал, кровь остановил, надо нести его на плащ-палатке и отстреливаться надо. Мне надавали снаряженных магазинов, и я отстреливался, а ребята бегом несли Сашу в горы по голому склону, и они были как на ладони. Не думал я, что живым поднимусь. Вот пуля идет по горе, идет, и чувствуешь, что интенсивность огня усиливается, что приближается пуля к тебе!.. Но поднялись, никого не зацепило, а только Шуру погрузили в вертолет, он умер в вертолете.

Вот про кого писать — про нашего «пинцета»! «Пинцет» у нас был из города Коврова. Он за одну операцию вынес, укрыл, спрятал, оказал помощь пятнадцати раненым. Нет, не пятнадцати, а шестнадцати. Бегал под таким огнем. Видно, чувство долга у него весь страх заслонило. Это как раз та операция, когда офицера перестали

уважать. Вообще санинструктор считается шланговая должность. На самом деле все санинструкторы, которые ходят с ротой на операции, мужики боевые. Наш был на гражданке велосипедист, «кэмээс». Добрый! Скромняга! Звали его Сергей Пучко. Был ранен осколком.

А вы говорите, что «родство» верное слово. Оно пустое слово, если ты только в Афгане не был. Витек понял бы сейчас».

ВИТЕК

«А он до того был живой. Днем у нас был час свободный после обеда. Он обязательно всех поднимет, сагитирует. И рублились в волейбол. Я его тогда предложил в спорторганизаторы. Он такой парень: вот мы собрались, незнакомые люди, характеры непритертые, все выбраны после собеседования (только мы с Витьком попали в отряд без собеседования, в последний момент, уже времени не было на разговоры) — итак, все такие самые лучшие, аж смешно. Конечно, каждый день споры до ругани, как работу лучше организовать. После ругани осадок остается, и время должно пройти.

А к Витьку ни у кого такого осадка не было. С работы придем, кто сел, кто прилег — молчим. Вдруг он что-то такое ввернет, что-то такое ляпнет!.. Все ржать.

Был ли я плохим бригадиром? Вроде нет. А только, когда я простудился и повысилась температура (и, конечно, наш доктор немедленно меня от работы отстранил), в жару под шлангом искупался и пролежал два дня, — тут все сразу решили, что замещать меня будет Витек. И в первый же день Витькова бригадирства бригада приняла девятнадцать машин бетона! Случай ли? Скорее организаторские способности, которые раньше ему негде было проявить.

(...Мы жили вместе, спали на соседних койках, ели за одним столом. Что значат эти слова сейчас для меня?..)

ВЕРТОЛЕТ

Кто читал газету «Комсомольская правда» в те дни, знает историю с горящим вертолетом. Вот она вкратце. Когда вертолет взорвался в воздухе рядом со зданием дирекции комбината, то вертолет перекинуло через бетонный заборчик и бросило на дорогу. Начальник охраны прыгнул на БТР, доктор схватился за сумку:

— Я с тобой!

Ну, и поехали они на БТРе. Подъехали, а баки у вертолета нагрелись, рвануло, начали рваться «нурсы» (неуправляемые ракетные снаряды). Один «нурс» попал в кабинет президента строительной компании. Утро было. Саперы пошли котлован проверять. Доктор с лейтенантом полезли через окошко в здание проверять, нет ли жертв. «Нас не пустили. Потом уже пустили пожар тушить». Пожар потушили.

До окончания работы оставалось дней пять, когда доктор, проверив у

всех температуру, Свеженцева от работы отстранил. Уложили его в постель, как обычно с простудой. Он все сопротивлялся, говорил, осталось последние дни доработать. Но температура не падала. Тогда доктор пошел к врачам части, и Витю перевели к ним в медицинский пункт. Полежал — еще хуже. Перевели в медбат. За два дня до отлета поместили в госпиталь.

— Предупреди отца, — попросил Витя Меркулова.

И Меркулов пообещал, из Челябинска помчался в Бреды. Но отец не поверил ему. А теперь уже никогда не поверит. И если ему сказать, что для его сына те дни были, возможно, лучшими днями его жизни, он тоже не поверит.

Отец сказал о сыне: погиб. Витя Свеженцев, комсомолец, «афганец», погиб в Афганистане при выполнении интернационального долга. Какой он был в свои двадцать четыре? Как мы? **КАКИЕ МЫ! (ФРАГМЕНТ ПОРТРЕТА)**

Афганских звезд много в нашем небе.

Мы сидели в пустой аудитории. За окном сверкала метель.

— Из тех, кто видел смерть друзей, трудно вытянуть рассказы. Но он однажды сказал мне: друга убило перед самым дембелем, пуля попала в лоб. А имя друга не назвал. Сказал: был друг, убит.

— Он был очень веселый, шутник. Он никогда не говорил: давай в шахматы поиграем. Он говорил: давай я у тебя выиграю. Я в пике формы играл с ним — проиграл ему!

— Он был комок нервов.

— Он никогда не молчал, если видел несправедливость.

— На первом курсе попал в медвытрезвитель. К нему приехали свои, «афганцы». На улице милиция пристала к одному из них. Витя заступился, сорвал погон с милиционера... Иногда в нем видна была вспышка ненависти.

— ...А помните: некролог с фотографией в общежитии провисел только день. А потом кто-то решил: хватит с нас скорби, и снял.

ЧЕЛОВЕК (НЕПОЛНЫЙ ПОРТРЕТ)

«Мне знакомы хорошие чувства. Это Совесть, Доброта, Дом, Честь, Справедливость, Сострадание. У меня есть дурные черты. Я злопамятен, тревожен, иногда равнодушен, легко раним, могу соврать, я часто испытываю растерянность и одиночество, я как бы вишу в невесомости. И я беспечен.

Мне незнакомы:

Подлость. Лесть. Самоуверенность. Предательство».

Это написал один из них. Во время разговора он уединился и писал это на листке в клеточку. Вот он.

Один из них, следовательно, т а к о й, как все. Чуть младше погибшего друга. И АФГАНА В ЕГО СУДЬБЕ НЕТ! (Но звезды выстроились в ряд над ним. И светят.)

ОСКВЕРНЕННОЕ МОРЕ

Жак-Ив КУСТО, французский океанограф

Простирающиеся на сотни километров бесплодные берега Калабрии являются средоточием всей таинственной красоты Средиземного моря. Грациозно скользя по волнам, «Калипсо» прокладывает курс по усеянному белыми барашками морю. Мои мысли обращены к Великой Элладе, чей ореол не меркнет вот уже на протяжении двадцати пяти столетий. Это родина величайших умов всех времен, колыбель искусств, математической и философской мысли.

Недалеко от Реджо-ди-Калабрия, в прибрежных водах небольшого портового городка Риаса, были обнаружены две прекраснейшие античные статуи из бронзы. Наткнулся на них фармацевт из Рима Стефано Мариоттини. Плавая с маской и трубкой в каких-нибудь двадцати пяти метрах от берега, он заметил торчащий из песка едва различимый предмет и подплыл к нему. То была рука. Охваченный ужасом, он отпрянул в сторону, решив, что видит перед собой утопленника. Но это была статуя. Когда он расчистил вокруг нее песок, то обнаружил, что под ней покоится еще одна фигура.

Эти два великолепных риасских изваяния были отлиты из бронзы приблизительно в 450—400 годах до нашей эры в эпоху расцвета греческой классической скульптуры. Они составляли часть груза, поднятого на борт галеры, и, возможно, изображали Зевса и Посейдона. Предполагают, что их создателем был Фидий, один из самых великих скульпторов в истории человечества.

«Калипсо» шел вдоль берегов так называемой «подшвы» итальянского сапога. Оставив позади себя залив Скуиллаче, мы отсалютовали городу Кротоне (здесь некогда жил Милон, самый выдающийся в истории Олимпийских игр атлет). Затем пересекли залив Таранто и, обогнув мыс Санта-Мария-ди-Леука, бросили якорь в порту Отранто.

Пробыли мы здесь всего несколько месяцев, но за это время нам едва не пришлось стать очевидцами чуть было не разыгравшейся там трагедии.

С болью в сердце вспоминаю я события тех дней. К счастью, эта ужасная история закончилась для всех благополучно.

Городок Отранто, крохотный порт, расположенный в Пулии в устье канала, носящего то же название, что и сам город, и разделяющий Ионическое и Адриатическое моря, едва не был стерт с лица земли. Ребятишки беспечно резвились на залитых солнцем улицах городка, в то время как над ними уже нависла смертельная опасность. Нет, то была не угроза войны, не взрыв на нефтеперерабатывающем заводе, не эпидемия черной оспы и не утечка радиации с атомной станции. На них готов был обрушиться дамоклов меч в виде груза судна, что затонуло в нескольких милях от берега.

Это был югославский пароход «Савта», пошедший ко дну в 1974 году в результате столкновения с итальянским судном, плававшим под панамским флагом. На его борту находилось около 900 цистерн (приблизительно 300 тонн) с высокотоксичными веществами, органическими соединениями свинца. Настоящая бомба замедленного действия. Цистерны с ядовитыми веществами в любую минуту могли дать течь, и тогда их содержимое, выплеснувшись наружу, причинило бы серьезный ущерб не только прибрежным водам Отранто: в результате пострадали бы Адриатическое, Ионическое и большая часть Средиземного моря. Это могла быть самая ужасная экологическая катастрофа за всю историю Земли...

О характере содержимого цистерн мне стало известно совершенно случайно. Я был потрясен. Я выступал в печати, на телевидении, делал все, чтобы виновники случившегося ответили перед законом. Но никому, видно, до меня не было никакого дела. Решение данного вопроса так бы никогда и не сдвинулось с мертвой точки, если бы не упорство, мужество и здравомыслие человека по имени Альберто Маритати, юриста по профессии. Если бы за заслуги в области охраны окружающей среды была учреждена Нобелевская премия, он бы заслуживал ее, как никто другой. В итальянском уголовном кодексе Альберто Маритати нашел статью, позволявшую ему наложить запрет на груз, покоившийся на морском дне. За поддержкой он обратился в правительственные круги, и его старания были

вознаграждены: ему разрешили выдать распоряжение национальному предприятию САИПЕМ о поднятии со дна смертоносного груза.

К участию в этой операции привлекли «Калипсо» и его экипаж. В ней нам была отведена роль консультантов, и мы оказывали помощь подводникам из САИПЕМ в определении точного местонахождения цистерн со смертоносным ядом в трюмах затонувшего судна, в организации и проведении подводных работ. Погружения осуществлялись с гигантской плавучей платформы «Кастро-11», окрашенной в желтый цвет; она была приблизительно 200 метров в длину и 50 в ширину.

Все участники операции подвергались смертельному риску. Обломки «Савта» лежали на 90-метровой глубине. При погружении на такую глубину с аквалангом, заряженным сжатым воздухом, ныряльщикам угрожала опасность глубинного опьянения или азотного отравления. Приходилось использовать специальные «гелиевые» смеси, в которых азот, входящий в состав воздуха, заменялся гелием — газом более легким и практически безвредным для нервных тканей. Подводники погружались по двое в водолазном колоколе и после четырехчасовой работы на глубине поднимались на поверхность, где сразу же отправлялись в барокамеру. На следующий день опять опускались на глубину, и так каждый день в течение трех недель. И лишь потом проходили полную декомпрессию, длившуюся не менее 72 часов.

Но не тяжелых последствий декомпрессии и множества других самых непредвиденных случайностей, связанных с погружением на большую глубину, опасались эти смельчаки-добровольцы. Они имели дело с тетраэтилом и тетраметилом, а малейшее попадание этих веществ на участок кожи даже в несколько квадратных дециметров привело бы к смертельному исходу. Поверх красно-синих водолазных костюмов ныряльщики с «Кастро-11» надевали сплошные белые комбинезоны, благодаря чему ни один участок кожного покрова не оставался незащищенным. На руки они натягивали двойные перчатки. Таким образом, при прикосновении к острым краям цистерн опасность поражения им не угрожала. Но даже несмотря на многократные тренировочные погружения, аквалангисты прекрасно понимали, чего могло им стоить любое неверное движение.

Каждый день спускались они под воду и извлекали из трюмов «Савта» смертоносный груз. Какая тяжелая и утомительная это была работа!.. Большая часть цистерн уже серьезно пострадала от ржавчины. А если бы вдруг одна из них дала течь и стала сеять смерть вокруг? Что бы было, начини защитные комбинезоны пропускать воду?

Извлеченные из чрева затонувшего парохода помятые, покрытые ржавчиной цистерны грузили в огромную металлическую корзину и с помощью крана, установленного на платформе, поднимали на поверхность, после чего их доставляли на борт вспомогательного судна «Орса», где они подвергались тщательнейшей обработке специалистами английской фирмы «Октель». И только после этого они переставали представлять опасность...

Мы помогали спасателям всем, чем могли. После того как было определено местонахождение обломков судна и над ним на поверхности установлен сигнальный буюк, Альбер Фалько спустился на дно с кинокамерой.

«Одно из таких погружений на «Савта», — рассказывал Альбер Фалько, — мне вспоминается, как дурной сон... Надев белые защитные комбинезоны и перчатки, мы стали опускаться вслед за водолазным колоколом и довольно скоро достигли обломков: на нас было навешано много всякого груза, и мы падали вниз, точно камни. Оказавшись один в холодной глубине совсем рядом с цистернами, отбрасывающими черную грозную тень, я ощутил такой ужас, какой мне никогда не приходилось испытывать до этого. Я заметил, как от колокола отделился один из аквалангистов из САИПЕМ — его напарник тем временем оставался в колоколе для обеспечения безопасности погружения — и, подобно привидению, облаченному в белое синтетическое одеяние, двинулся в сторону зияющего трюма «Савта». Эту сцену я заснял на пленку. Мне, знавшему, что за груз

спрятан под обломками судна, жутко было видеть, как аквалангист продвигался вперед, окруженный, словно облаками, стайками сардин и других мелких рыбешек. Беззащитность животного мира начинаешь осознавать в полной мере лишь тогда, когда природе угрожает опасность погибнуть в страшной агонии, погибнуть не ведая причин своей гибели и никого в том не упрекая.

Передо мной вновь возник человек в белом комбинезоне. Он проскользнул в передний трюм парохода и теперь плыл между цистернами, нагроможденными одна на другую. В тусклых отблесках фонарей клубы воздушных пузырьков мерцали зеленовато-фиолетовым светом и принимали фантастические очертания. Помню, как выглядели эти металлические емкости: часть из них сохранились более или менее нетронутыми, но остальные были покрыты ржавчиной, помяты, и их состояние вызывало беспокойство. Тогда я понял, что прибыли мы сюда как нельзя вовремя, ведь из-за всякого рода административных формальностей и проволочек со стороны государственных чиновников всех рангов было потеряно более полутора лет, а тем временем поверхность цистерн под воздействием кислоты изнутри и морской воды извне могла в любую минуту разрушиться.

Тем не менее между двумя грудями поврежденных емкостей устроил себе жилище какой-то группер, в пробоине судна расположился лангуст, а за шпилем поселился осьминог. Так уж устроен мир: жизнь осваивает любые пригодные для себя пространства, даже несмотря на тающую там смертельную опасность.

На цистернах сохранились надписи, но особенно впечатляюще выглядели изображения черепа с перекрещенными костями. Один из ныряльщиков принялся очищать место, покрытое ржавчиной, где, по его мнению, находилась этикетка, чтобы я смог заснять ее на пленку. Но это была не ржавчина: в цистерне образовалась дыра, и из нее потекла струя смертоносного органического свинца... Человек отдернул руку и резко отпрянул в сторону, словно получил электрический разряд или прикоснулся к раскаленной плите. Испугавшись поражения, он поплыл к колоколу. Там, следуя инструкции, предусматривающей такого рода случаи, он сорвал с себя белый комбинезон и перчатки — все это в специальной корзине подняли на поверхность и затем сожгли... Нам тоже пришлось как можно скорее возвращаться на «Калипсо», где с нашими костюмами поступили аналогичным образом. Не стоит сейчас говорить о той тревоге, что довелось нам пережить за время подъема на поверхность. К счастью, никто из нас от резкого перепада давления не пострадал, да и утечка была незначительной. Но я содрогался при мысли о последствиях утечки 300 тонн этих ядовитых веществ в море, о том, что могло произойти, если бы они разлились по прибрежным водам и, подхваченные течением, распространились на многие мили вокруг...

Изо дня в день, неделю за неделей поднимали мы металлические корзины со смертоносными цистернами на «Кастро-11», погружали на борт «Орсы» и затем доставляли в хранилища фирмы «Октель». И вот на поверхности появилась последняя «роковая» цистерна... Это был незабываемый и такой долгожданный момент! Самая страшная бомба замедленного действия, когда-либо угрожавшая Средиземному морю, была обезврежена...

Опасность, нависшая было над Отранто, миновала. Но эта победа досталась нам нелегко. Потребовалось около полутора лет упорной работы, мы совершили 270 погружений и провели на глубине 1200 часов. От ядовитых веществ, хранившихся в трюмах «Савта», никто из людей не пострадал, зато счет, предъявленный потом виновникам случившегося, вылился в довольно круглую сумму: 14 тысяч долларов за каждую цистерну. Вот так человек вынужден расплачиваться за свою опрометчивость, халатность и безрассудство. И хорошо еще, если платить приходится только деньгами.

Я-ИНВАЛИД

Черил ДЭВИС

— Слушай, я бы на твоём месте застрелился,— сказал человек в метро.

Вокруг никого, кроме меня, не было, и я поняла, что он обращается ко мне.

— Радуйтесь, что вы на своём месте,— ответила я и грациозно отъехала от него подальше.

Это вполне типичный эпизод из моей сидячей жизни.

Когда едешь в поезде, хочется спокойно посидеть и подумать под стук колес. Мне, к сожалению, это редко удаётся. Я привлекаю внимание. Делаю вид, что не замечаю, как меня пристально разглядывают и быстро отводят глаза. Стараюсь избегать случайных разговоров с небрежно одетыми людьми. Но, как правило, у меня это не получается. Они хоть и небрежно одеты, но публика эта настойчивая.

Я пользуюсь инвалидной коляской, но не прикована к ней. Вообще у меня с передвижением хорошо. До станции я добираюсь в специальном фургончике, оборудованном креслоподъёмником. На работу езжу на самоходном кресле, работающем от высокоамперных батарей. С помощью легкого, вручную управляемого кресла могу подниматься вверх к ходячим соседям и ездить с ними в их «фольксвагене».

У меня богатая и разнообразная жизнь, но пассажиры обычно считают, что раз я калека, то наверное лишена всего на свете и так одинока, что буду рада любому вниманию:

— Вы работаете? — спросила меня как-то одна пассажирка. Я сказала, что работаю.

— Хорошо, есть на что отвлечься, правда?

Поскольку люди полагают, что несчастные инвалиды любой болтовне будут рады, они не очень-то задумываются над своими словами. Странно, ведь меньше всего они хотят нас обидеть.

— А как вы принимаете ванну,— спросила меня между делом другая женщина.

Как-то раз я читала газету, а на меня уставился пожилой пассажир.

— Вы хотите почитать спортивный раздел? — поинтересовалась я.

— А на сколько хватает у этой штуковины батарей? — услышала я в ответ.

Еще маленькой я однажды увидела женщину с какими-то странными зубами.

— Мама, а у тети зубки смешные,— сказала я. Мама мне тогда объяснила, что обсуждать чужую внешность неприлично. Я полагала, что мамы всех этому учат, но, видимо, заблуждалась.

Бездумный интерес публики особенно обижает тех, у кого достаточно редкое заболевание. И требуется немало времени, чтобы научиться себя защищать. А чтобы это делать тактично — так целая жизнь.

Многие из нас считают, что человеческая бестактность — это проявление невежества, и мы стараемся быть снисходительными, терпеливо отвечаем на вопросы, стремимся как-то исправлять поведение людей.

Некоторые из нас пытаются игнорировать грубые замечания и вопросы. Я тоже пробовала, но не выходит. Одна дама раз вывела меня из себя:

— Вы слишком хорошенькая, чтобы сидеть в инвалидной коляске,— заметила она. Я просто замерла от ярости. А она, совершенно бесцеремонно схватив меня за руку, повторила: — Я говорю, вы слишком хорошенькая, чтобы сидеть в инвалидной коляске.— Тут я потеряла самообладание, забыла про всякий такт.

— А вы что думаете? — рявкнула я.— Господь бог там конкурс красоты проводит, и победитель гарантирован от инвалидного кресла?

Дама отвернулась и как ни в чем не бывало стала болтать с какой-то старушкой. Я же, оскорбленная, отъехала в другой конец вагона.

Потом я весь день корила себя. Добравшись домой, стала обзванивать своих более находчивых друзей. Ник — врач-терапевт, доктор медицинских наук из Стэнфорда, у него паралич ног. Спрашиваю его:

— Что ты делаешь, когда к тебе лезут с вопросами в транспорте?

— Советую им подрасти,— отвечает Ник. Такой ответ кажется мне слишком высокомерным.

— Да, но...

— Что «но»?

— Если я буду просто грубить, они решат, что у меня нездоровая реакция, и так ничего и не поймут.

— Тогда говори, что их поведение неуместно.

— Неуместно! Вот здорово!

Я решила попробовать в следующий же раз. Он случился на прошлой неделе.

Жду поезда и не слышу, как ко мне подходит сзади человек. Он трогает меня за плечо и нахально спрашивает:

— Что у вас за болезнь-то?

Оборачиваюсь и тихо замечаю:

— Ваш вопрос неуместен.

— А у меня шизофрения,— гордо отвечает он.

— А я вас об этом и не спрашиваю.

— Но я чувствую себя отверженным.

— Тогда не рассказывайте этого посторонним.

Подождал поезд, и мы вместе сели. Я посочувствовала ему, он успокоился. Ясно, что это был не лучший вариант для апробации моего нового метода, но, думаю, я на верном пути.

Перевела с английского М. ДУБРОВСКАЯ

Марина ВЛАДИ

ВЛАДИМИР, ИЛИ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Для меня всегда было загадкой: что происходит в голове у людей, когда они вдруг встречают актера или актрису, которыми восхищались в кино? Однажды вечером мы вышли из театра после «Гамлета». Мороз, на улице ни души. Решетки водостоков дышат паром, и фонари буравят подсиненную темноту. Откуда-то из подъезда появляются двое мужчин — в меховых шапках, смуглолицые, настороженные, и как вкопанные останавливаются перед нами. Ты смотришь на меня с беспокойством. Может быть, на какой-то миг ты даже испугался. Но учтивый и дружелюбный тон того, кто повыше, тотчас успокаивает нас. Слегка наклонившись вперед, стараясь не поднимать глаз на меня, он обращается к тебе с сильным грузинским акцентом:

— Дорогой, очень дорогой Высоцкий, позвольте мне представиться. Я из Тбилиси, узнал, что вы оба сегодня в театре, и весь вечер прождал на улице, боялся вас пропустить. Позвольте мне обратиться к вашей супруге?

Такое церемонное вступление не вызывает у нас улыбки. В нем чувствуется глубокое уважение, почтительность, и, главное, было ясно, что дело не шуточное. Я киваю в ответ. Движением руки ты приглашаешь его говорить. Незнакомец поворачивается ко мне, и тут только я вижу его глаза. В них страстные решимость и гнев.

— Мадам, я приехал отомстить за вас.

Мы с моим другом готовы убить того подлого негодяя, у которого в душе нет ни капли жалости.

Если б он не был так взволнован, я рассмеялась бы, но, чувствуя, что он дрожит с головы до ног, я молчала. Он продолжал:

— Как он посмел, отчего не сжалился над вами! Камнем не убивают даже собаку!

Наконец я начинаю понимать: Колдунья, милая дикарка из фильма, над которым плакала вся Россия, погибает от руки нежественного крестьянина. И вот теперь этот незнакомец хочет отомстить за мою героиню. Он поверил в нее настолько, что ему показалось совершенно естественным предложить мне свою помощь.

Я и растрогана, и озадачена. Как ответить, не обидев, как объяснить этому простодушному человеку, что месть тут ни при чем? Я дружески беру его за руку.

— Посмотрите на меня, дотроньтесь до меня, я жива, говорю с вами. Меня не убивали, ну, видите? Спасибо вам за вашу доброжелательность, вы мужественный человек!

Его ледяные руки сжимают мою, потом он наклоняется и целует кончики моих пальцев.

Конец, все очарование прошло. Выпрямившись, он внимательно смотрит на тебя и с достоинством просит извинить его за то, что он отнял у нас столько времени.

Оба приятеля исчезают в темноте.

Странная история, которую ты рассудил почти серьезно: «Жаль, можно было отправить их к нашему злейшему врагу».

В самом деле, кто был твоим злейшим врагом?

На сцене полураздетый человек, цепи опутывают ему руки, грудь, он вырывается и кричит. Ощущение страшное. Сцена наклонена, и цепи, которые держат четыре человека, одновременно сковывают пленника и не дают ему упасть. Пьеса поставлена в театре на Таганке Любимовым по драме Есенина «Пугачев». Я приехала в Москву на фестиваль. Это 1967 год. Меня пригласили на Таганку, пообещав, что я увижу талантливейшего из актеров, некоего Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, страстью, необыкновенным голосом этого актера. Когда он на сцене, вся остальная труппа растворяется в тени, кажется, он один притягивает свет. Публика аплодирует ему стоя.

После спектакля один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли. Мы идем в шумный, но симпатичный ресторан ВТО. Здесь хорошо кормят и закрывают значительно позже, чем в городе. Договорившись с метрдотелем, мы устраиваемся всей нашей маленькой компанией за одним столом. Наш приход вызывает оживленное любопытство в зале. Я пользуюсь в СССР известностью, для меня совсем неожиданной. Меня узнают, мне несут цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают. Скоро весь стол заставлен бутылками, только потом официанты приносят закуски. Застолье идет своим чередом. Я жду того замечательного артиста, мне не терпится поздравить его, но, говорят мне, он человек своенравный, может и не прийти. Я расстроена, но мои спутники засыпают меня вопросами, они знают, что я снялась в пятидесяти с лишним фильмах, но они видели всего два или три, и им интересно все. По-русски, хотя я не говорила на этом языке с шести лет, пускаюсь рассказывать о своей жизни.

Краем глаза я замечаю, что к нам идет низкорослый, неважно одетый молодой человек. Мое внимание привлекают его серые глаза. Оживление в зале заставляет меня прервать рассказ, я поворачиваюсь к вновь пришедшему. Без слов он берет и долго не отпускает мою руку, потом целует ее, садится напротив меня и начинает меня разглядывать. Его молчание меня не смущает, мы смотрим друг на друга, как будто стараясь что-то вспомнить. Я знаю, что ты — Высоцкий. Ты ничуть не похож на громогласного великана из спектакля, но в твоём взгляде столько силы, что я вновь переживаю все, что испытала в театре. Вокруг нас что-то обсуждают. Ты не ешь, не пьешь, ты смотришь на меня.

— Наконец я вас встретил.

Я в замешательстве от этих первых произнесенных тобою слов. Отвечаю тебе дежурным комплиментом по поводу спектакля, но ты не слушаешь меня как будто, просишь уйти отсюда, ты хочешь для меня петь. Решено, что мы закончим этот вечер у Макса Леона, корреспондента «Юманите» в Москве, его квартира в двух шагах от центра. В машине мы продолжаем мол-

ча рассматривать друг друга. На твоём лице то свет от фонарей, то тень, и видны только твои глаза — нежные, сияющие, потом замечаю, что у тебя коротко стриженные волосы, двухдневная рыжеватая щетина, впалые от усталости щеки. Нельзя сказать, что ты красив, внешне ты обыкновенный, но твой взгляд завораживает. Как только мы приезжаем к Макс, ты сразу же берешь гитару. С первых же аккордов, первых звуков на душе становится еще беспокойнее. Сейчас меня поражают твой голос, твоя сила, надрыв и то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной. Понемногу начинаю понимать смысл, злой юмор, глубину твоих песен. Ты объясняешь мне, что театр — твоя работа, а поэзия — твоя страсть. И потом без всякого перехода говоришь, что любишь меня давно.

Как всякой актрисе, мне случалось слышать такого рода неуместные объяснения. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь увидеться в самое ближайшее время, на завтра вечером мы встречаемся в баре гостиницы «Москва», где живут участники фестиваля. В баре много народу, меня окружили мои знакомые, но едва я замечаю тебя, я всех бросаю, и мы идем танцевать. На каблуках я заметно выше тебя, ты поднимаешься на цыпочки, шепчешь какие-то сумасшедшие слова. Я смеюсь. Потом, уже серьезно, объясняю тебе, что ты мне, конечно, нравишься... но я здесь всего на несколько дней, что у меня очень сложная жизнь, трое детей, работа занимает уйму времени, что Москва далеко от Парижа. Ты отвечаешь, что у тебя тоже семья и дети, работа и признание, но все это не помеха тому, чтобы я стала твоей женой. Не зная, как реагировать на эту дерзость, я тем не менее принимаю твое приглашение встретиться снова.

Я захожу за тобой в театр к концу репетиции. Утром я получила интересное предложение: Юрий Юткевич, признанный и очень известный режиссер, предлагает мне роль Лики Мизиновой, той самой девушки, в которую был страстно влюблен Чехов. С нее он написал героиню «Чайки». Я не знаю, что ему ответить, все-таки съемки будут длиться почти год. Ты вскакиваешь, ты кричишь, ты умоляешь, я твержу, что все это очень сложно, ты не отступаешь: надо соглашаться, так у нас будет время видаться и, главное, ты сможешь убедить меня стать твоей женой. Тон почти шутливый, но я чувствую столько нежности в этих словах, что уступаю твоему воодушевлению, мы представляем, как все будет дальше происходить: я привезу своих еще маленьких детей, мать, которая не была в России пятьдесят лет, да, мы будем часто видаться как друзья, и ты споешь мне свои новые песни.

Нам обоим нет тридцати, я разведена, ты разводишься, и жизнь впереди. Я осторожно замечаю: единственная загвоздка — я в тебя не влюблена. «Неважно, — говоришь ты, — я сумею тебе понравиться, увидишь». Это веселое и простое общение продолжается еще несколько дней, фестиваль подходит к концу, я уезжаю из Москвы с подписанным контрактом и приеду на съемки в начале 1968-го.

Время проходит быстро. Из Москвы я получаю письмо; оно меня растрогало. Потом, когда я вдруг задумываюсь, что же происходит со мной, почему мне так плохо, мои невеселые мысли прерывает телефонный звонок, на том конце провода — ты, твой теплый голос, я слышу русский язык, напоминающий мне об отце, которого я обожала. И от всего этого у меня ком в горле. Я кладу трубку и реву. Мама смотрит на меня и говорит: «Ты влюблена, моя девочка». Я стараюсь найти другое объяснение — слишком много работы, очень устала, но в глубине я знаю, что это не так, я жду, когда увижу тебя...

Мне пора уезжать, съемки закончены. Я покидаю Москву, прожив здесь больше десяти месяцев. За эти месяцы я пару раз ездила во Францию, чтобы выполнить обязательства по контрактам, и возвращалась в Москву. На этот раз официальных оснований вернуться у меня нет, я собираю чемоданы. Актриса уезжает. Естественно, меня приглашают в июле на фестиваль — гостьей. Мы подавлены. У тебя нет ни малейшей возможности приехать ко мне, ты, как здесь говорят, «невыездной». Просить о визе — немыслимое дело, за тобой ходит слава «одиозной личности», именно так. Если вдруг в визе откажут, то уже окончательно. Бюрократическая машина никогда не даст задний ход. Ты уверен, что никогда не выедешь за границу. Нам кажется, что те три месяца, которые остаются до фестиваля, мы друг без друга не переживем. Так что в аэропорт мы приезжаем в полном отчаянии. Я уже прошла пограничный контроль, как кто-то из таможенников, твой поклонник, в знак уважения разрешает тебе проводить меня в зал вылета. Там уже сидят, лежат, едят и пьют десятки пассажиров. Погода отвратительная, мокрый снег, сильный ветер, низкая облачность, самолеты не вылетают. Мы садимся на маленькую скамейку. Непогода выкрала для нас несколько счастливых минут. Меня сопровождает молодой рыжий парень, представитель «Мосфильма», он должен проводить меня до самого трапа, чтобы не было никаких неожиданностей. Я с ним едва знакома, он из администрации, на съемках я с ним не сталкивалась, но по пути в аэропорт он ни с того ни с сего разоткровенничался — его жена сегодня должна родить, это у них первый ребенок. И задержка рейса заставляет его еще больше нервничать.

Мы с тобой сидим, прижавшись друг к другу, обнявшись, совсем одни в этой гудящей толчее, ты говоришь, что жизнь без меня невыносима, я отвечаю тебе, что сама не могу ее себе представить. Объявляют роковой рейс «Эр-Франс», мы прощаемся, я плачу, иду в глубь зала, но металлический голос диктора дает поправку. Вылет откладывается на четыре часа. Я бегу к тебе, бросаюсь в твои объятия, еще несколько часов отсрочки. В ресторане битком, официант, узнавший тебя, отыскивает нам три места. Рыжий парень мрачен: его жена уже в операционной. Эгоисты, как и все влюбленные, мы говорим только друг с другом, не обращая на него внимания. Ты говоришь, что я должна вернуться как можно быстрее. Я обещаю, что, едва

смогу, приеду туристкой. Мне только нужно уладить кое-какие дела с детьми, по дому, и бог с ней, с работой, в конце концов я могу сделать небольшой перерыв, я, кстати, очень устала. Несколько недель в Москве пойдут мне на пользу. Единственное, о чем я жалею, что ты не можешь вырваться из города. Я очень люблю горы и горные лыжи. Ты написал про горы одну из своих самых известных песен — «Вертикаль», она стала гимном альпинистов. Но тебя держит театр, ты занят в спектаклях каждый день, значит, прощайте, горы. Эти мечты как-то отвлекли нас, и когда зовут на посадку, мы прощаемся взволнованные, но уже без слез. Рыжий парень, жена которого трудится в родильной, доволен, я подхожу к дверям перехода в самолет, и тут меня останавливает новое объявление. Обледенение на крыльях, нужно ждать, пока их разморозят компрессором. Время ожидания — неопределенное.

Уже стемнело, снова повалил снег; мы сидим втроем в каком-то закутке, куда нас отвела твоя поклонница стюардесса, курим сигарету за сигаретой. Рыжий паренек то и дело убегает звонить в роддом, возвращается расстроенный: «Все по-прежнему», и уходит что-нибудь выпить. Мы как в бреду, ты требуешь теперь, чтобы я переселилась в Москву, чтобы стала твоей женой, чтобы привезла своих детей. Я соглашаюсь, меня воодушевляет твоя решительность: да, я могу бросить все, приехать жить сюда, у твоей матери, привезти детей, да, я найду себе здесь работу, да, мы будем жить все вместе, счастливо, да, так будет, я ничего не боюсь, и любовь сильнее всего. Рыжий, слегка навеселе, появляется вновь, теперь ему хочется поговорить: о своей жене, о ребенке, который вот-вот родится, все это так хорошо, так прекрасно. Мы слушаем его, мы в самом деле рады его появлению. Мы только что, забыв про страх высоты, поднялись на самую вершину нашего будущего. И пока будущий отец восторгается жизнью, мы с тобой спускаемся на землю. У меня трое детей и старая мать, большой дом из пятнадцати комнат, я много снимаюсь и хорошо зарабатываю, я люблю свою профессию, дело, которым занимаюсь с десяти лет; одним словом, я довольна своей жизнью. У тебя двое детей, бывшая супруга, которой ты помогаешь, комната в девять метров в квартире у твоей матери, ты получаешь сто пятьдесят рублей в месяц, на которые можно, в лучшем случае, купить две пары хороших ботинок. Ты работаешь как проклятый, ты обожаешь свою работу, ты не можешь приехать ко мне. Иначе говоря, тебе живется очень трудно. Если соединить наши жизни в одну, получится просто не жизнь. Рыжий возвращается ликующий: у него дочь, все прошло хорошо, нужно выпить за здоровье молодой матери. Мы пьем теплое шампанское. Мы с тобой мрачные, измученные, на грани отчуждения. И когда наконец раздается приглашение в самолет, мы расстаемся как будто с облегчением. Буря пронеслась и по нашим душам, сметая сумасшедшие надежды и невыполнимые желания.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

(Продолжение следует)

БЕЗ КАРТЫ

Владимир СИМОНОВ,
наш спец. корр.

Вот и Америка! Совсем маленький зал быстро заполняется людьми. Сейчас будет давка. Давки нет. Американские авиапассажиры проходят сразу вне очереди — за линию паспортного контроля, на плакат с улыбающимся президентом. Национальное превосходство? Иностранцы долго кружат вдоль каната, разгораживающего зальчик, прежде чем оказываются возле «стоп-линии» у пропускных пунктов. Мы смотрим на такое чудачество: мы-то просто прошли вдоль стены и стоим.

Идут и идут пуэрториканцы, вьетнамцы, кубинцы, мексиканцы, японцы, африканцы — американские граждане. Быстро, без формальностей минуют паспортный контроль: благодаря «американскому превосходству» нет давки. Канаты тоже необходимы, толпа организована в плотную очередь, заполняя зальчик.

«Добро пожаловать» — я прохожу мимо плаката с улыбающимся президентом и попадаю в другой маленький зал, где на транспортерах уже кружится наш багаж. Наши сумки не интересуют таможеню. Впереди — толпа встречающих — не нас, конечно. В руках детей — разноцветные шарики, на которых написано: «Добро пожаловать домой!» Люди встречаются, обнимаются, целуются, плачут и смеются. Никогда не думал, что американцы такие эмоциональные.

Нас встречает мистер Боб из турбюро «Юниверсери турз», пожилой, полный, добродушный человек с сигарой. Он друг СССР, рассказывает, что во время войны участвовал в американском конвое, доставлявшем оружие в нашу страну. Теперь он распаивает для нас стеклянную дверь в Америку. Что там? Безумный мир? В котором миллионы безработных, бездомных, наркомания, шовинизм, проституция, мафия... О нем я знаю достаточно — не только из советских, но и из американских газет и журналов. Какая Америка — я уже представляю по удивившему когда-то своей откровенностью документальному американскому фильму «Это Америка!»: садистские аттракционы; подземный город канализационных шахт под Нью-Йорком, где в темноте живут крысы и бездомные; гастрономические моды американцев, например, пирожные в виде половых органов или меню из земляных червей; разгул порнографии; культ насилия... ЭТО — Америка? Но ничего из перечисленного мы не увидим: наш туристский маршрут проляжет по спокойной и порой блестящей, как гладь воды в солнечный день, поверхности американской действительности, среди небоскребов Нью-Йорка и монументов Вашингтона, улыбок и рукопожатий в

гостеприимном городке Чатокуа. Естественно, как в каждой стране, туристу покажут только хорошее. И я ощущаю раздвоенность: не видел того, о чем знал и что ожидал увидеть, увидел то, о чем не знал почти ничего.

Какой я увидел Америку?

Чтобы описать свои впечатления, я чувствую потребность отрешиться от образа всезнающего журналиста, иначе информированность этого журналиста может попросту перечеркнуть все увиденное. Наверное, раньше я понимал про Америку гораздо больше, но иначе: я хорошо, что называется, ориентировался в схеме и вот, как начинающий автолюбитель, заблудился, беспомощно гляжу в карту, которая теперь только путает...

Все начинается с дороги. Мы едем в Чатокуа, где будет проходить встреча советской и американской общественности. Мы — часть советской общественности —

тургруппа молодых журналистов. «Американцы гоняют как сумасшедшие, — запись в блокноте, — только в американском кино». По-видимому, штраф за превышение скорости велик. Дорога вдоль какой-то реки. Шофер не знает какой. Широкая и мелкая, посередине — статуя Свободы (такая же, как в гавани Нью-Йорка, но меньше) стоит, зеленая, словно русалка в воде.

Где можно, дорога предпочитает обходиться без привычных дорожных знаков, вместо них щиты со словами: «прямо», «направо», «обгон запрещен»... Забота о тех, кому лень выучить дорожную символику? Иногда — похожие на бетонные шлюзы пункты сбора платы за проезд по шоссе. Трава, кустарник, деревья. Кто-то говорит: «Как в Абхазии». Кто-то: «Как под Красноярском». Я думаю: «Как в Закарпатье». Солнце мелькает меж веток — солнце везде одинаково.

Только что отъехали от Нью-Йорка, я ожидаю увидеть урбанизацию, и вот — кругом зелено. Редкие фермы, одинокие дома. Я вспоминаю подмосковное шоссе: деревни, поселки, городки, дома теснятся друг к другу, что кажется, кепки крыш вот-вот зацепятся и съедут набок. Коллективизм — индивидуализм. Разные взгляды на жизнь... Вместе всегда легче, думаю я, но всегда ли получается лучше, когда легче?

«Добро пожаловать в Чатоквская!» — длинный транспарант на русском над воротами, в которые въезжает наш автобус. «Осторожно — ступенька» — написано на ступеньке автобуса, выходим. Тысяча людей. На фонарях — гирлянды красных, голубых, желтых и белых ша-

ров (цвета советского и американского флагов). Нам аплодируют, к нам тянут руки для рукопожатия, нам радуются, словно освободителям от какого-то врага. Я улыбаюсь и жму руки, чувствуя себя неловко из-за такого внимания. Чья-то морщинистая рука схватила за полу моего пиджака: «Это вы в СССР покупали?» Кругом в основном старые лица, но вон белобрысая голова ребенка, который держит в руках плакатик, усевшись на плечах отца: «Добро пожаловать, братья!» Братья?

Я закурил, и мне стало стыдно: вокруг из тысячи людей не курил никто. Вообще я заметил, курению американцы предпочитают просто воздух. Даже Нью-Йорк и тот почти не курит. Там всякий раз на улице я вдруг отмечал, что я — единственный в толпе человек с сигаретой. Я стал меньше курить. Буквально физически я ощущаю, как эти люди завоевывают меня своей бодрой внешностью. Все время я только и делаю, что разглядываю их, пытаюсь проникнуть в секрет оптимистических лиц.

По статистике¹ из каждых трех американцев двое признают, что озабочены своим внешним обликом, особенно тем, как его воспринимают другие. Наряду с деньгами главным мерилем жизненного успеха стал процветающий внешний вид. Особенно ценится хорошая физическая форма.

Бодрость как образ жизни? Вошедшая в привычку или напускная, вынужденная? Я наблюдаю американцев на улице, в работе, разглядываю всегда, с самого начала, как оказался в США. Первое впечатление — служащие аэропорта: меня удивили их лица. Я ожидал увидеть маски для служебной роли, а тут просто лица, естественные и обыкновенные; служащие выглядят буднично, как у себя дома. Улыбки не наглые — вежливые, и, если присмотреться, в них физическая усталость, как у спортсмена, чьи мышцы выбрали оптимальный ритм работы. Расслабленная собранность — наверное, так я бы описал: лица уверенные. Гордые?

Такие лица я вижу у шофера такси, у полицейского, у диктора телевидения, у мусорщика — а этот-то чем гордится? Он, как и все, при деле.

Чатокуа я познакомлюсь с очень красивой девушкой. Недавно окончила школу, работает посудомойкой, устроилась на весь летний сезон. Сезон заканчивается, перед ней стоит выбор: продавщицей в grosери или в драгз (овощной магазин или аптека). Высшее образование? Чтобы его оплатить, она и работает.

Отец — миллионер, коннозаводчик. Я удивился, но такая ситуация не исключение. Мальчишка лет десяти, разносчик газет в Чатокуа, как окажется, тоже из очень богатой семьи. Работая на почте, он копил деньги на спортивный автомобиль.

Американцы, по-видимому, никакую работу не считают стыдной — бывает очень престижная работа, но пусть ты взобрался не так высоко, кто знает, какая удача ждет завтра? А если неудача? Но унылых лиц я не вижу, толпа все-таки выглядит бодро. Наверное, здесь принято надеяться на лучшее?

Мне нравится, как улыбаются американцы — друг другу, прохожим, мне. Приклеенная улыбка? Мне она кажется искренней. Сказать, что американец вынужден улыбаться — того требует бизнес и конкуренция, — значит ограничиться удобной формулой, но улыбка — это воспитание, желание нравиться, сделать свою жизнь комфортнее.

Насколько зависима вежливость от коммерции? Я зашел в нью-йоркский магазин и осмотрелся. «Вам помочь?» — мимоходом роняет продавщица. «Нет, — отвечаю. — Нет денег. Просто смотрю». — «О, пожалуйста». Я повторил опыт несколько раз — с одинаковым результатом.

«Have a good day»² слышишь от шофера, прохожего, который объяснил дорогу, от продавца, портье, от человека, с которым сидел за столиком. Вежливость — стиль, норма, образ жизни. Выражение достоинства, которое я вижу в лицах, мне не кажется напускным.

 Но вернемся в Чатокуа. На трибуне Амфитеатра, в котором мы собрались на открытие встречи, координатор советско-американской инициативы призывает «открыть для русских сердца и дома». Мы будем жить в американских семьях. Такое в США впервые, говорит оратор. В свое время главный редактор «Ровесника» жил в американской семье — наверное, тоже впервые. Всякий раз, словно впервые, встречаются руководители наших государств — качается и качается политический маятник влево-вправо. Что мешает нам всякий раз найти точку опоры? Вдруг вспоминаются слова Бориса Пастернака: «Это ведь только в плохих книжках живущие разделены на два лагеря и не соприкасаются. А в действительности все так переплетается!» Я думаю о взаимозависимости мира. Все-таки почему случается, что политикам легче ломать, казалось бы, природные всемирные связи людей, чем их поддерживать? Так выгодно монополиям. Но разве это вся правда? Не будет ли это упрощением жизни до удобной формулы?

Городок Чатокуа в западной части штата Нью-Йорк на берегу озера Эри выпадает из известных мне формул американской действительности. Город — летний институт: тут обучаются танцам, театральной игре и музыке,

на стр. 18 ►

D

D

«Damned» («Демд»), группа «Проклятые» образовалась в 1976 г. в Англии.

Исходный состав: Рэт Скейбиз (настоящее имя Крис Миллер), уд.: Кэптен Сенсибл (настоящее имя Рэй Бернс), бас; Дэйв Вэниен, вок.; Брайан Джеймс (настоящее имя Брайан Робертсон), гит.

Записав в начале 1977 г. дебютный альб. «Проклятые, проклятые, проклятые!», «Д.», вслед за «Секс пистолс», стали лидерами англ. панк-рока. Вторую пл. «Музыка для удовольствия» (1977) продюсировал барабанщик «Пинк Флойд» Ник Мэйсон. В начале 1978 г. из-за разногласий между музыкантами «Д.» распались.

Однако через полгода группа собралась вновь и вместе с бас-гитаристом Лемми из «Моторхед» дала серию концертов, которые привлекли внимание публики. В конце 1979 г. «Д.» выпустили альб. «Этикет пулемета», в котором уже заметно влияние хард-рока.

Следующая пл. «Черный альбом» (1980) подверглась резкой критике музыковедов за «эклектичную смесь всех существующих стилей», от джаза до хэви метал-рока. В конце 1982 г. «Д.» записывают свой самый удачный диск, «Земляника», который стал «золотым», как и следующий, «Фантасмагория», 1985.

Среди последних работ группы выделяются пл. «Все, что угодно», 1986, и «Бессмысленная и рассеянная энергия», 1987 (запись концерта 1981 г.).

Изменения состава: 1977 + Лу, гит.; 1978 — Джеймс, — Лу, [Сенсибл переключился на гит.], + Элистер Уорд, бас; 1980 — Уорд, + Пол Грей, бас; 1985 — Сенсибл, + Роумен Джагг, гит.; 1986 — Грей, + Брин, бас.

DAVIS, MILES. Майлз Дэвис, род. 25 мая 1926 г. в США.

В 1945 г. закончил Нью-Йоркское музыкальное училище по классу духовых инструментов и получил приглашение в полупрофессиональный джаз-бэнд в качестве саксофониста. В конце 40-х М. Д. познакомился с Джилом Эвансом, и они организовали джазовый ансамбль, в который вошли такие известные музыканты, как Макс Роуч, Джон Льюис, Джерри Маллиген, Ли Конитц.

В середине 50-х М. Д. собрал новый коллектив, «Квинтет Майлза Дэвиса», украшением которого стал тенор-саксофонист Джон Колтрейн — квинтет получил широкую известность и в значительной степени повлиял на становление джаза 60-х и 70-х гг. В 1963 г. состав группы М. Д. изменился, и в нее вошли: Рон Картер, бас; Херби Хэнкок, клав.; Тони Уильямс, уд.; Джордж Коулмен, сакс.

В 1968 г. М. Д. начинает проявлять интерес к джаз-року (альб. «Небесные мили», «Дочери Килиманджаро») — в записях принимали участие гитарист Джордж Бенсон (см. «РЭР» № 3 за 1988 г.) и пианист Чик Кориа. Следующую пл. «Молча», 1969, помогали записывать гитарист Джон Маклафлин и пианист Джо Зоунул (последний из гр. «Прогноз погоды»). 70-е стали для М. Д. периодом экспериментов — он сотрудничал с такими музыкантами, как Билли Кобхэм, Ларри Янг, Кейт Джаррет, а также с группами «Прогноз погоды» и «Оркестр Махавишну».

Нет ни одного музыканта, работающего в джаз-роке, на которого бы не оказало влияние творчество М. Д., — неповторимое звучание его саксофона или трубы продолжает привлекать любителей серьезного рока и сегодня. Среди последних работ М. Д. можно отметить пл. «Человек с трубой», 1985, и «Туту», 1987.

«DEEP PURPLE» («Дип перпл»), группа образовалась в 1968 г. в ФРГ (хотя все музыканты — англичане).

Исходный состав: Род Эванс, вок.; Ричи Блэкмор, гит.; Йон Лорд, клав.; Ник Симпер, бас; Йэн Пейс, уд.

Поскольку «Д. п.» — явление весьма значительное, и подробно осветить творчество гр. в рамках «РЭР» невозможно, мы решили ограничиться дискографией и изменениями состава. В будущем «Ровесник» предполагает опубликовать большой материал о «Д. п.».

Пл.: «Shades of Deep Purple» («Оттенки глубокого багрянца», 1968); «Book of Taliesyn» («Книга Тейлисина», 1969); «Deep Purple» («Глубокий багрянец», 1969); «Concerto for Group and Orchestra» («Концерт для группы и оркестра», 1970); «Deep Purple in Rock» («Запечатленные в камне», 1970); «Fireball» («Комета», 1971); «Machine Head» («Одержимый автомобилями», 1972); «Made in Japan» («Концерт в Японии», 1972); «Purple Passages» («Пассажи в багровых тонах», 1972 — сборник); «Who Do We Think We Are» («Кто же мы такие!», 1973); «Burn» («Гори!», 1974); «Stormbringer» («Приносящий бурю», 1974); «Mark I and 2» («1-я и 2-я отметки», 1974 — сборник); «Come Taste the Band» («Попробуй группу на вкус», 1975); «24 Carat Purple» («Глубокий багрянец в 24 карата», 1975 — сборник); «Made in Europe» («Концерт в Европе», 1976 — запись 1975 г.); «Powerhouse» («Электростанция», 1977 — запись 1970 г.); «Last Concert in Japan» («Последний концерт в Японии», 1977 — запись 1972 г.); «The Singles: A's and B's» («Синглы с сорокапяткой», 1978 — сборник); «When We Rock; We Rock and When We Roll, We Roll» («Когда мы играем рок, это рок, когда ролл, это ролл!», 1978 — сборник); «New Live and Rare» («Новые редкие и концертные записи», 1978); «The Mark 2: Singles» («2-я отметка: синглы», 1979 — сборник); «Deepest Purple» («Глубочайший багрянец», 1980 — сборник); «Deep Purple in Concert» («На концерте «Дип перпл», 1980 — запись 1969 г.); «Live in London» («Концерт в Лондоне», 1982 — запись 1971 г.); «Perfect Strangers» («Совершенно чужие», 1984); «Knocking on Your Back Door» («Стучась в дверь черного хода», 1985 — сборник); «The Anthology» («Антология», 1985 — сборник); «The House of Blue Light» («Дом голубого света», 1987).

Изменения состава: 1969 — Симпер, — Эванс, + Роджер Гловер, бас, + Иэн Гиллан, вок.; 1973 — Гловер, — Гиллан, + Гленн Хьюз, бас, вок., + Дэвид Ковердейл, вок.; 1975 — Блэкмор, + Томми Болин, гит.; 1976 — группа распалась; 1983 — группа собралась в составе 1970—1973 гг.

Примечание: сольные пл. членов группы будут указаны в «РЭР», когда подойдет очередь соответствующих букв. «DEF LEPPARD» («Дэф леппард»), группа образовалась в 1977г. в Англии.

Исходный состав: Стив Кларк, гит.; Рик Сэвидж, бас; Пит Уиллис, гит.; Рик Оллен, уд.; Джо Эллиот, вок.

Музыкальный стиль «Д. л.» журналисты назвали неохард-роком: сдвоенные соло-гитары, несколько напоминающие по звучанию «Уишбон эш», доведенная до автоматизма согласованность ритм-секции, характерный вокал — все это стало «почерком» группы. Дебют состоялся в 1979 г., когда «Д. л.» записали сорокапятку под названием «Слезай!», работа привлекла интерес, но первый альб. «Сквозь ночь», 1980, получился невыразительным. Следующая пл. — «Покинутый в беде», 1981, была несколько лучше, но международный успех пришел только после третьего диска — «Пиромания», 1983. «Д. л.» первыми взяли на вооружение мелодичный хард-рок, но в ранг суперзвезд этот стиль вывел группу «Бон Джови».

Вскоре в автомобильной катастрофе Оллен потерял руку (см. «Ровесник» № 2 за этот год), и после длительного перерыва «Д. л.» записали свою самую лучшую пл. «Истерия», 1987.

Изменения состава: 1981 — Уиллис, + Фил Коллен, гит.; 1986 + Джефф Рич, уд. (только на концертах).

DIDDLEY, BO. Бо Диддли (настоящее имя Эллас Бейтс), род. 30 декабря 1928 г. в США.

В раннем детстве начал играть на скрипке и добился таких успехов, что к восьми годам его приглашали солировать в симфонические оркестры.

Вскоре увлекся гитарой и в свободное от школы время выступал как уличный музыкант (уже тогда он получил свое прозвище: на жаргоне музыкантов «бо диддли» — однострунная африканская гитара).

В 1955 г. Б. Д. стал сейшменом, помогал различным

PINK FLOYD

С л е в а н а п р а в о: Ник Мэйсон, Сид Баррет, Ричард Райт, Роджер Уотерс... Двадцать лет назад так выглядел первый состав «Пинк Флойд». Вот уже более 20 лет музыка «Пинк Флойд» восхищает поклонников группы, становится предметом полемики музыковедов, вдохновляет поэтов, кинорежиссеров, художников и балетмейстеров на создание эпических произведений, таких же странных и ирреальных, как композиции «Пинк Флойд».

Группа соединяет не только музыкальные стили и направления, но и целые пласты музыкальной культуры — от барокко и ренессанса до импрессионизма и модернизма. Музыкальные полотна «Пинк Флойд» поражают причудливостью палитры и глубиной перспективы, здесь фундаментализм приносит в жертву гармониям, из которых соткан зыбкий холст музыки. Как призрачные замки в облаках, мелодии теряют свои «шпили» и «башни», на их месте появляются новые, еще более прекрасные и совершенные...

исполнителям в студийных записях; одновременно он пытался писать собственные вещи и к концу 50-х получил признание как композитор. Во время «британского вторжения» (см. «РЭР» № 5 за этот год) песни Б. Д. приобрели еще большую популярность, поскольку они прочно вошли в репертуар «Роллинг стоунз», «Кинкс» и «Холлиз». Позже композиции Б. Д. включали в свои пластинки «Дорз», «Куксилвер мессенджер сервис», Том Раш, Ронни Хоукис и многие другие.

Так же как Чак Берри, Рэй Чарлз и другие «короли» рок-н-ролла, Б. Д. включен в символический «Зал славы рок-н-ролла» за выдающиеся заслуги в области популярной музыки.

Сольные пл. Б. Д. выпускал несистематически, уделяя основное внимание записям других музыкантов и концертным выступлениям.

DI MEOLA, AL. Эл Ди Меола, род. 22 июля 1954 г. в США.

Выпускник Бостонской консерватории, Э. Д. М. в равной степени отдает себя авангардному року и джаз-року. Начиная играть в группе Чика Кориа «Возвращение в вечность», потом некоторое время сотрудничал с гр. Берри Майлза. Первый сольный альб. «Страна полуденного зноя» записал в 1976 г. В 1977 г. вышел его совместный диск с гитаристом Пако де Люсией («Элегантная цыганка»).

Безукоризненная техника игры, склонность к ярким импровизациям и незаурядные композиторские способности выдвинули Э. Д. М. в один ряд с такими выдающимися гитаристами, как Джон Маклафлин, Роберт Фрипп, Карлос Сантана. Он и по сей день записывается вместе с этими музыкантами, много гастролирует, сотрудничает с различными музыкальными изданиями — недавно вышла его книга «Практический курс игры на гитаре». По итогам прошлого года амер. журнал «Гитар плейер» признал Э. Д. М. лучшим гитаристом.

Пл. «Казино», 1978; «Отель «Сплендидо», 1979; «В пятницу вечером в Сан-Франциско», 1981 (с Дж. Маклафлином и П. де Люсией); «Электрическое рандеву», 1982; «Проявление силы», 1982; «Страсть, красота и пламя», 1983 (с Дж. Маклафлином и П. де Люсией); «Сценарий», 1983; «Небо и земля», 1985; «Парение в мечте», 1985; «Бесконечный бег», 1987; «Тирами Су», 1988.

«DIRE STRAITS» («Дайр стрейтс»), группа образовалась в 1977 г. в Лондоне.

Исходный состав: Марк Нопфлер, гит., вок.; Дэвид Нопфлер, гит.; Джон Айллсли, бас; Пикк Визер, уд.

Подробно о творчестве «Д. с.» «Ровесник» уже рассказывал в № 10 за 1986 г. Поэтому в «РЭР» мы приводим только дискографию и изменения состава.

Пл.: «Дайр стрейтс», 1978; «Коммюнике», 1979; «Кино-съемка», 1980; «Любовь к золоту», 1982; «Алхимия», 1984 (двойной концертный альб.); «Братья по оружию», 1985.

Изменения состава: 1980 — Д. Нопфлер, + Хэл Линдс, гит., + Алан Кларк, клав.; 1981 — Визер, + Терри Уильямс, уд., + Томми Мэндел, клав.; 1983 — Мэндел, + Гай Флетчер, клав.; 1986 — Флетчер, + Джек Сонни, гит.

Начав публиковать в № 7 за 1987 г. «Рок-энциклопедию «Ровесника», мы хорошо представляли себе, что вызовем яростный гнев некоторых знатоков: «Вы указали не ту дату выхода пластинки, и называется она не так, и на клавишных совсем не тот играет!» Всем знатокам мы отвечаем одно и то же: РЭР составляется по нескольким британским и американским энциклопедиям и оригинальным справочникам для продюсеров и диск-жокеев. И уж если им не верить...

Но мы и предположить не могли, что читатели обидятся на нас за то, что... мы вообще публикуем «РЭР»: «Вы только букву А растянули на 6 номеров, когда же закончите!», или «Почему не упомянули «Алькатраз», кому нужен ваш «Аэросмит», эту группу я вообще не знаю» и так далее. И мы решили пойти по пути максимальной демократизации нашей «Энциклопедии»: тем читателям, которые участвуют в работе рок-клубов Ленинграда, Москвы, Риги, Одессы, Свердловска и ряда других городов, были разосланы письма с просьбой указать не более 15 самых интересных групп на каждую букву. Таким образом, группы и исполнители на букву D отобраны в соответствии с пожеланиями наших знатоков.

слушают концерты симфонических оркестров, оперы, смотрят спектакли, посещают лекции по политике, религии и искусству, играют в гольф, занимаются парусным спортом и теннисом. Живут здесь в основном старые богатые. Но посещать и пользоваться всем, что предлагает Чатокуа, может любой желающий: купил входной билет в город — и ты тоже чатоквец. Я и все другие советские гости тоже чатоквцы.

Над сценой в Амфитеатре читаю слова: «Смотри сердцем» — лозунг Чатокуа. Над сценой висят огромные полотнища советского и американского флагов — рядом. В этом нечто крамольное — настолько непривычно сочетание, сопоставление вечных антонимов мировой политики. Исполняется Гимн Советского Союза. Американцы встают. Конечно, так и должно быть, но, словно ожидал нечто другое, я чувствую благодарность американцам за проявленное уважение к моей стране.

Американский гимн. Я впервые вижу, как поют его американцы. Некоторые держат руку на сердце, некоторые поют со слезами на глазах, поют все, головы гордо подняты, они — патриоты.

Здесь в 1936 году американский президент Франклин Делано Рузвельт произнес речь «Я ненавижу войну». Уже тогда он говорил об опасности стереотипов в отношениях с Советским Союзом. Мы здесь, чтобы эти стереотипы исчезли.

Здесь можно увидеть и такой значок, означающий «Люблю Советский Союз». Здесь нам рады. Но мне объясняют: Чатокуа — самый нетипичный город в Америке.

Типичен антисоветизм? Насколько? К примеру, Сет, наш гид. Внешне он обыкновенный: черные волосы, невысокий, коренастый, простое лицо; говорит обыкновенные вещи, ведет обыкновенный образ жизни, никаких отклонений, что называется, от нормального поведения; мы познакомилась с его мамой — тоже обыкновенная женщина. Он не коммунист, его устраивает американская общественная система. И все-таки Сет — белая ворона американской действительности. Он отказался от карьеры в торговой фирме, где работает его брат, и приехал в Москву учить русский язык. Брат «официально» порвал с ним всякие отношения, спасая свою репутацию. Из Москвы в Нью-Йорк Сет вернулся с большой дорожной красной сумкой с четырьмя большими буквами «СССР». Друг сказал ему: «Если не хочешь, чтобы тебя шлепнул какой-нибудь маньяк из снайперской винтовки, спрячь эту сумку в чулан». Сет так и сделал. Так разумнее, считает Сет. Сет хочет жить разумно, это касается его работы, личной жизни, отношения к политике. Антисоветизм по его мнению, неразумен, поэтому он работает гидом советской группы в США. Стремлению к карьере Сет противопоставил стремление к разумному существованию.

Что еще антисоветского встретилось за это короткое путешествие? Например, такая картинка: на углу нью-йоркской улицы с лотка на колесиках афганец торгует «хот-догами»³. На ящике лотка большими красными буквами написано: «Вы верите в миролюбие Советского Союза? Помните Афганистан». Люди подходят, покупают «хот-доги», пихают в рот, не обращая внимания на написанное.

В Вашингтоне я видел американца в майке с красными буквами по-русски: «Красный». Оказывается, такие майки в моде. В одной из витрин мы увидели майку с изображением сломанной ракеты, и тоже по-русски: «Нет оружию!» Майка стояла в семь раз дороже обычной. На витрине висела только она — лучшая реклама магазину.

Действительно, статистика антисоветизма сейчас значительно изменилась: уже 63 процента американцев положительно относятся к нам (81 процент советских людей — к американцам), но к Советскому правительству всего 11 процентов американцев (к американскому — 6 процентов советских людей), хотя популярность М. С. Горбачева среди американцев почти всеобщая.

Итак, нас разбирают американские хозяева, находят нас по номерам на бирках, привязанных к нашим сумкам. Я оказываюсь в паре с Игорем, веселым, общительным парнем, который сопровождает группу как представитель «Спутника», организовавшего нашу поездку. Меня и Игоря находит Пегги, она производит впечатление чопорной и отчужденной: седые, аккуратно и коротко стриженные волосы, спортивная фигура в спортивном костюме, гладкие щеки, серые спокойные глаза, ровный тон и выверенные манеры. Мы подходим к ее мужу Энди, который сразу начинает суетиться над нашими сумками, хрипит шутки голосом, как ржавая труба, по-медвежьему топчется вокруг нас, обнимает за плечи, глаза за стеклами очень обычных очков — большие и теплые.

Энди хромает, я пытаюсь забрать у него свою дорожную сумку, он удивлен. Иду належке, не зная, как реагировать при встречах с соседями Пегги и Энди, которые по-провинциальному останавливаются и разглядывают нас с ног до головы: «Ах, это ваши». Лишь улыбаюсь и киваю. От меня чего-то ждут, пытаются понять: кто ты такой?

Из дверей выкатывается и облизывает нас добрый пес, фокстерьер Чарли. Вот мы и «дома». «Если хотите, будете жить в отдельных комнатах, хотите — вместе в одной?» — «Хотим вместе», — сказали мы. Вместе легче противостоять. Чему? Мы не знаем, но все-таки лучше вместе.

На наших кроватях лежит по корзинке, перевязанной атласным бантом, — подарок. Как в детстве: конфеты, пе-

ченье, яблоко, апельсин, шоколад — и белая майка с изображением советского и американского флагов рядом.

Дом красивый и очень уютный. Чисто, нигде ничего не сломано, не отвалилось, не болтается. На стенах — душевные картины в импрессионистском стиле, купленные Пегги и Энди в разных странах. Гостиная с камином, наверху три спальни, внизу — кабинет Энди, откуда стеклянная дверь ведет на лужайку у дома. Дом строился по вкусу хозяев, стоит около миллиона долларов, гордо сообщает Энди.

Пегги просит меня не выбрасывать пустую жестяную банку из-под «пепси» в мусорное ведро, а положить в специальную коробку. Зачем? Эти пустые банки они сдадут за деньги в утиль.

Как родители, поутру Пегги и Энди ждут нас внизу. «Be quick, boys. Breakfast's on the table»⁴. В магнитофоне — кассета с сентиментальным джазом, Энди у стола с газетой «Чатокуан дейли», на столе — сок и омлет. «Пегги, можно кофе?» — «Конечно, приготовь сам», — и уже убежала на теннисный корт.

«Well, boys»⁵, — Энди складывает газету и говорит, что к обеду они с Пегги не вернуться, холодильник в нашем распоряжении, обед разогреем сами, встретимся на концерте Джона Денвера. «Но как мы попадем в дом?» — «Через дверь», — удивляется Энди. Я не предполагал, что двери дома не закрываются: все-таки Америка.

Я удивлен, когда узнаю, что картина, которая понравилась мне больше других — томные цветы, сорванные, но все еще живые, нарисованы Энди. Я удивлен, узнав, что Энди пишет роман: и он же всю свою жизнь проработал в «Дженерал электрик», заключая контракты на продажу лампочек!

Я удивлен, видя на этом доме американский государственный флаг. Тут почти на каждом доме по флагу. Раньше я считал, что флаги вывешивают на своих домах только шовинисты.

Кто все эти люди, встретившие нас в Чатокуа?

Марица Морган, журналист: «В первую мировую войну мой отец, чех, был солдатом. Он оказался как раз в том белочешском корпусе, который прошел через всю Россию на восток»⁶. Он рассказывал мне об этом, но я была маленькой и многого не понимала. С тех пор Россия для меня та, какой ее запомнил мой отец: бесконечные елки и березы, болота и редкие деревянные домики. А вдоль железной дороги стоят молчаливые мужики с черными бородами. Мой отец научил меня русским песням «Очи черные», «Стенька Разин» и «аууууууууухейм, аууууууууухейм» и «Господи, помилуй».

Грегори Гурофф, историк: «Мы переписывали историю в угоду политическому климату наших стран. Американские историки принизили страдания русских в войне, советские историки преуменьшили значение высадки

десанта в Нормандии, военных действий на Тихом океане. Больно видеть, во что мы превратили благородное дело... Каждая сторона стремится депersonализировать друг друга: нанести удар легче, когда не думаешь о противнике как о живых людях... Нужно знать не только факты о стране, нужно ощущать, как живет ее общество».

Джон Кристал, бизнесмен: «США тратят огромные средства на оборону, а в обороне нуждается наша экономика».

Кстати, в 1980 году за увеличение военных расходов высказывался 71 процент американцев, а уже в 1986-м — лишь 13. Во всеобщей ядерной войне не может быть победителя — считает 84 процента американцев (у нас так считает 81 процент населения). Печально, что больше всего нас с американцами сближает осознание ядерной угрозы. Но в этом совпадении взглядов живет и надежда. Мне тридцать три, я помню уроки гражданской обороны в школе, запах пыли на полу, когда мы лежали у парт, накрыв руками головы, репетируя меры безопасности на случай ядерного взрыва. Помню, меня тогда удивляла суетность взрослых, я думал: зачем покупать вещи? Все равно скоро нас всех не будет. Я считал, что война неизбежна.

Я понимаю слова, которые тут теперь говорит сенатор Билл Брэдли: «Избежать войны — не значит обеспечить мир». Согласен. Но вспоминаю разговор с администратором нью-йоркской гостиницы, в которой мы жили. Он поляк, во время войны был узником концлагеря, говорит: американцы правильно сделали, сбросив атомные бомбы на Японию. Он настолько уверен, что не хочет спорить. «Иначе погибло бы много американских солдат», — отменяет он все возражения. Как совместить в сознании такие разные взгляды?

(Окончание в следующем номере)

¹ Автор приводит данные из книги известного американского социолога Луиса Харриса «Америка, взгляд изнутри», а также совместного социологического исследования, проведенного в конце 1987 года американским институтом Гэллапа и советским институтом социологических исследований АН СССР. — Здесь и далее прим. авт.

² Приятного дня.

³ Горячие сосиски с соусом и хлебом.

⁴ «Поторапливайтесь, ребята. Завтрак на столе».

⁵ «Итак, ребята».

⁶ Имеется в виду контрреволюционное выступление чехословацких войск из бывших военнопленных первой мировой войны в мае — августе 1918 года.

Рисунок В. ПЕСКОВА

Субботнее утро. На ступенях у культурного центра Университета Буэнос-Айреса собрались человек 300 молодых мужчин и женщин. Все одеты как-то странно: девушки в длинных черных юбках, в туфлях на высоком каблуке. Юноши — в темных брюках, белых рубашках, ботинках. Никаких тебе джинсов, кроссовок, маек. Наконец распахиваются двери, появляется человек со списком в руках. «Простите, друзья, но наша школа может принять только семьдесят человек, зал, увы, не вмещает больше».

И 230 неудачников бредут домой. Один из них — инженер Родриго Гутьеррес, тридцати двух лет: «Видите ли, когда я бываю за границей и люди узнают, что я — аргентинец и не умею танцевать танго, на меня смотрят, как на полного идиота! Мне приходится объяснять, что я вырос в эпоху рок-н-ролла».

Милая история: танго возвращается в Аргентину, молодые тянутся к танцам отцов и т. д. Но каким путем возвращается? Хуан Андино, тот самый человек со списком: «Да если б не успех шоу «Танго Аргентино» в Лондоне и на Бродвее пару лет назад — сидеть бы мне по-прежнему без работы. Ну кому в Аргентине был нужен сорокалетний учитель танго?»

Что ж получается — «у каждого свой Париж»? Ах, если б знали наши девушки-красавицы прошедшего зимнего сезона, что столь полюбившиеся им береты — надетые торчком и лучше если из-под беретки сзади торчит бант — явились из Голландии, где года три назад были поданы как «русские матросские шапки-бескозырки» (в Голландии к ним полагались еще и две пришитые ленточки). Богатые американки летают за рядами в Европу: «В Штатах не во что, ну просто не во что одеться». В Англии джинсы недороги — за исключением «настоящих американских». Тем временем парижские модельеры опять с опаской поглядывают через Ла-Манш: было это уже, было. В середине 60-х британская мода под предводительством модельерши Мэри Квант надолго укротила

парижан, сейчас с островов вроде бы движется новая волна. Наши мальчики вздыхают по финским значкам с серпом и молотом, и вот уже молодежный московский кооператив, вдохновившись примером японцев, выпускает кепки с надписью «Перестройка». Известный английский рок-певец выпросил у рабочего, менявшего трубы во Дворце тяжелой атлетики в Измайлове, черную шапку с белой шнуровкой — подшлемник: «Да в Лондоне все просто с ума сойдут! Это же так красиво!» Мы проводим лето в индийском хлопке, венгерский журналист всю нехолодную будапештскую зиму щеголял в стеганом узбекском халате: «Мне его подарили в Самарканде», а знакомый редактор одного из берлинских молодежных журналов попросил: «Привези, пожалуйста, рубашку русского крестьянина, в которой он спит. Я знаю, что она стоит три рубля».

Откровенно говоря, поиски в московских магазинах «рубашки русского крестьянина за три рубля» ничего не дали. Вышитая косоворотка, что ли? Так она стоит раз в пятнадцать дороже. И только в Берлине я поняла, что имелось в виду: обыкновенная исподняя рубашка, только красится в черный цвет, носить с узким черным ремешком. Молодые люди в таких рубашках чувствовали себя куда шикарнее, чем группка одетых «под панков» на Александер-плац: «под панков» — уже не модно. В США салат, который подают наши хозяйки, именуя его красиво-французским словом «оливье», называется «русским», в Дании меня угощали паштетом с сырыми шампиньонами: «Это ведь паштет по-грузински, не так ли?» Боялась, но угощалась. Жива.

Бурлит пестрый котел мировой материальной культуры, даря гавайскую рубашку испанцу и заставляя французенку носить вязаную лапландскую шапочку. Может, хватит ворчать при виде юношей с надписями «на нерусском языке», да с пластинкой «Рокси мюзик» под мышкой? Нормально это, нормально: у каждого свой Париж.

ЖИТЬЕ —

Мартен — потомственный автомобилестроитель. Его дед устанавливал распределительные валы еще на машинах «Дофин», отец работал в технологическом бюро во времена, когда выпускалась модель Р-12; сам Мартен окончил училище при фирме «Рено», получив диплом специалиста по электронике. Ему 24 года, и уже четыре из них он работает техником в одном из ОТК на заводе в Булонь-Бийанкуре. Но он подумывает об уходе и регулярно просматривает объявления о найме в профессиональной печати. «Люди из поколения моего отца подняли завод после войны. Тогда все делалось заново. Сегодня — это самый обычный завод, как многие другие, так что нельзя сказать, чтобы у меня была какая-то особенная привязанность к «Рено», — объясняет он.

Мартен — типичный представитель тех примерно 1300 из 6000 молодых людей, занятых на заводах «Рено», среди которых управление кадров компании провело немногим более года назад опрос с целью получить о них более точное представление. Каким они видят свое будущее? Как они относятся к руководству завода? Каковы, по их мнению, достоинства и недостатки компании «Рено»? При проведении опроса его организаторы не пытались избегать острых, возможно даже несколько затруднительных для них самих вопросов. И получили явно не менее откровенные ответы.

Молодые люди весьма критически отозвались об организационной структуре своего предприятия и методах управления людскими ресурсами. Немногим более 50 процентов выразили серьезные сомнения в способности фирмы «привить персоналу чувство ответственности». 58 процентов считают, что на заводах «Рено» мало используется или вовсе не используется потенциал молодежи. И, наконец, 70 процентов отмечают «недостаточную мотивированность персонала» и «плохую координацию действий между различными службами, подразделениями и цехами».

Организаторы опроса лаконично резюмируют этот диагноз в двух фразах: «восприятие функциональных структур как полностью демотивирующее», «пассивность и немотивированность персонала, негибкость существующих статусных структур и системы принятия решений». Факты также говорят сами за себя: с 1980-го по 1986 год из «Рено» ушли 3300 молодых людей. Более удивительно то, что эти критические высказывания можно услышать повсюду — в различных отделах главного управления фирмы, у конвейеров на заводах во Флене и Сандувиле, в

конструкторских бюро в Рюзе. Складывается впечатление, что существует общая для молодых людей чувствительность к происходящему, общая «аллергия» на определенные явления — точнее, общая молодежная культура восприятия.

Не ведет ли такая общность взглядов молодежи к конфликту поколений? Проблема не столь проста. Судя по опросу, молодежь поддерживает скорее хорошие отношения со старшим поколением: две трети опрошенных признают, что старые рабочие любят, когда их окружает молодежь, что они никогда не отказывают им в совете и поддержке; 63 процента считают даже, что они с пользой перенимают таким образом незаменимый опыт старших. В то же время они отнюдь не хотели бы походить на старших (77 процентов). Они упрекают старшее поколение в непонимании нынешней молодежи, ее раскованности (76 процентов), а также в том, что они служат тормозом на пути перемен и эволюции (61 процент).

Что касается сугубо производственной сферы, молодежь в гораздо большей степени не устраивает работа на конвейере, однообразие выполняемых операций, чем уровень заработной платы или усталость после работы.

«Я получаю 6000 франков в месяц, и мне этого хватает, — объясняет Кристоф, который мечтает тем не менее уйти с завода во Флене, где он работает, и обзавестись небольшим магазинчиком где-нибудь на юге страны. — Я здесь вот уже пять лет; я ничего не создал, ничего не изменил, не сделал ничего интересного. Оглядываясь назад, я не вижу ничего, кроме гнетущей пустоты». Самое плохое, по его мнению, — это то, что здесь даже не замечаешь, как бежит время. «Здесь

живешь как бы по привычке, — говорит он. — Возможно, это из-за работы в две смены, но я просто потерял ощущение времени. Мне нужно вырваться из шестеренок этого механизма». Другая причина незаинтересованности молодежи должна, видимо, вызывать еще большее беспокойство. Это — ощущение, что «любые индивидуальные усилия бессмысленны и сводятся к нулю».

Антуан, например, занимается на курсах черчения. «Я это делаю просто для себя, чтобы, так сказать, не закинуть, — объясняет он. — Здесь все настолько недвижно, настолько устоялось, что практически эта подготовка мне ничего не даст». Отсутствие перспектив в обозримом будущем дополняется невозможностью претворить хоть какие-то свои идеи в повседневной практике. «Нам все уши прожужжали тем, сколь высокого технического уровня достигли японцы. Но когда ты сам предлагаешь изменить что-то на конвейере, тебя никто даже слушать не хочет», — говорит Кристоф.

Это ощущение окружающей тебя инертности еще более усугубляется примерами бесхозяйственности, которые наблюдает молодежь и которые вызывают ее ярость: «Приходится оставлять на заводе недомонтированные машины, так как не поспевает поставка деталей и узлов; приходится заниматься доводкой уже готовых деталей... А повсюду висят лозунги, призывающие нас к повышению производительности!»

Социолог Ален Турэн считает:

«Обобщенный портрет молодежи, вырисовывающийся в результате опроса, проведенного фирмой «Рено», содержит в себе как позитивные, так и негативные неожиданности. У этой молодежи есть все те качества, которые будут необходимы на успешных

БЫТЬЕ НА "РЕНО"

предприятиях завтрашнего дня. Молодежь своим поведением предвосхищает глубокую перестройку промышленности. И в то же время с удивлением убеждаешься, насколько у них отсутствует долгосрочная перспектива, насколько они не способны заглянуть вперед дальше, чем на три года. В этом таится подлинная опасность разочарований, незаинтересованности, равнодушия. Поскольку рынок труда переживает депрессию, телом они остаются на предприятии, но мыслью они вне его. В конечном счете это — самовлюбленность (нарциссизм). А в работе, как и в любви, самовлюбленность ведет к легкомысленному непостоянству, к отказу от долгосрочных обязательств. Но даже самым современным предприятиям для того, чтобы добиться успеха, необходим хотя бы максимум преданности и патриотизма тех, кто на них работает. Если бы я был руководителем предприятия, я поймал бы этих молодых людей на слове. Я сказал бы им: «Вы все критикуете? Так давайте же предлагайте что-то конкретное!»

Довольствуется ли действительно это молодое поколение лишь критикой, или же оно готово внести свой конструктивный вклад? Судя по всему, молодежь готова всерьез взяться за дело засучив рукава. «Они прекрасно прониклись целями повышения производительности и качества», — указывалось в проведенном еще в 1983 году опросе среди цеховых мастеров относительно того, сколь успешно включается в производственный процесс молодежь, набранная на заводы в Клеоне и Ле-Мане по так называемым контрактам солидарности.

В этом же исследовании отмечалось, что молодежь — как рабочие, так и инженерно-технический персонал —

отличается, кроме того, «естественной гипер-подвижностью» и, следовательно, «гипер-неприятием всего застойного». «А чего ради надрываться? — спрашивают Мартен и его приятель Ив. — Мы даже не знаем толком, куда идет наш цех, не говоря уж обо всей фирме...»

Тот же скептицизм, хотя и выражаемый иначе, царит среди молодых, только что поступивших на завод административных и инженерно-технических работников. Однако они уделяют больше внимания «проблемам компетентности руководства, темпам эволюции, ясности целей и престижа предприятия». Все эти проблемы очень хорошо резюмировал 28-летний Матьё, недавно ушедший из «Рено» после того, как проработал четыре года в главной конторе компании. «Я был скорее доволен своим местом, — объясняет он, — но в этих крупных конторах есть две вещи, особенно неприемлемые для молодежи. Во-первых, это то, насколько трудно претворять в жизнь какую-то стратегию, даже если она совершенно ясно была сформулирована высшим руководством. Часто складывается впечатление, что разные отделы тянут каждый в свою сторону — кто в лес, кто по дрова. И во-вторых, это поведение руководства, озабоченного главным образом тем, чтобы защищать свои интересы и свои прерогативы власти».

В конечном счете Матьё ушел из фирмы потому, что его слишком опекали, что он никогда не чувствовал себя самостоятельным. «Мне всегда хотелось почувствовать себя действительно ответственным», — говорит он. И все же эти нетерпимые молодые люди не столь демотивированы, как может показаться. Конечно, они считают устаревшими правила игры, но это не значит, что они собираются выйти из нее!

Первый положительный показатель: они не утратили интереса к работе. 60 процентов опрошенных заявили, что считают свою работу «очень интересной» или даже что буквально «захвачены» ею. 50 процентов указали, что сейчас они стали с большим интересом относиться к своей работе, чем вначале. Более того, они признают способность фирмы к нововведениям (76 процентов) и модернизации (81 процент), обеспечению технологического прогресса (87 процентов). Поэтому нет ничего удивительного, что 60 процентов из них верят в будущее своего предприятия. Но главное, что сами они отнюдь не собираются оставаться в профессиональной жизни сторонними наблюдателями. Наоборот, они стремятся мобилизовать свои возможности, продемонстрировать профессионализм и способность к творчеству. При условии, однако, что к их работе будут относиться

с заслуженным вниманием. 80 процентов опрошенных высказались за индивидуальный подход к их продвижению по службе и 77 процентов — за оплату труда по индивидуальным результатам! Как подчеркивается в выводах этого опроса: «Позиции и поведение новых поколений молодежи являются их адекватным ответом на эволюцию, которую переживают общество и предприятие».

Но эти умонастроения и поведение — представляющие собой сочетание безжалостной критики и обезоруживающей доброй воли — складываются из столь контрастных элементов, что может создаться впечатление их неуправляемости. Тем более что как отметил заместитель генерального директора концерна «Сен-Гобен» Жозе Бидген: «Нынешняя молодежь уже не станет, как их отцы, идти на какие-то жертвы ради предприятия. С предыдущим поколением мы могли заключить моральный контракт, основанный на взаимной верности. Но кризис и реорганизация промышленности уничтожили это явление». Судя по результатам опроса, большинство молодых людей, работающих на заводах «Рено», не строит далеко идущих планов. Они предпочитают заключать с предприятием краткосрочный контракт на два-три года, осуществление которого регулярно рассматривается. «Это делается не единственно из чувства противоречия, а в силу стремления сохранять свободу, — уточняет Жозе Бидген. — Мы, по существу, перешли от морального контракта к торговому, при котором каждый из партнеров регулярно подводит свои счета».

Чем вызвана такая эволюция? Как объяснить эту смесь неудовлетворенности и одновременно мобилизованности молодежи, работающей на «Рено»? «В отличие от их отцов они не знали ничего иного, кроме кризиса, — объясняет социолог этой фирмы Майк Бирк. — Это заставило их серьезнее относиться к жизни и научило рассчитывать лишь на самих себя». Но, по мнению Жозе Бидгена, чувство неудовлетворенности и изолированности у молодежи порождается также демографической ситуацией на предприятиях. «Сегодня те, кому за 30, составляют более 70 процентов всего персонала против лишь 50 процентов десять лет тому назад».

Что же делать? Как сохранить потенциал заинтересованности и творческой энергии молодежи, не ущемляя при этом старшие поколения? «В обозримом будущем не удастся обойтись без увеличения найма молодежи, — считает Жозе Бидген. — Шаг, который потребует немало мужества, учитывая, что ожидаются новые сокращения общей численности персонала».

ЭНДРЮ ЛЛОЙД УЭББЕР — СУПЕРЗВЕЗДА. Именно его вы видите на снимке — создателя замечательной рок-оперы «Иисус Христос-суперзвезда». Эндрю Ллойд Уэббер — в окружении героев своих последних работ. Мюзиклов «Кошки» (в этом году «Кошки», в постановке австрийских артистов, побывали в Москве), «Экспресс «Звездный свет» и самого последнего — «Призрака оперы». Несмотря на снобизм критиков («у Уэббера в каждой вещи только одна запоминающаяся мелодия», от себя добавим — зато какая!), произведения композитора неизменно нравятся публике. В июне этого года Уэббер был гостем III Международного фестиваля современной музыки, который состоялся в Ленинграде.

КАК ЖЕ ПРЕКРАСЕН ТОТ МИГ, КОГДА ВСЕ ПОЗАДИ! Они создали новый стиль в танцах на льду. Их «Танец джунглей» стал хитом прошлого спортивного сезона. Но чемпионами стали не они.

Французы Изабель и Поль Дюшене — брат и сестра. Шесть месяцев они тренировались в Оберсдорфе, ФРГ. Каждый день, по многу часов. Поль, изнуренный тренировками, думал о том, не покончить ли ему самоубийством, прыгнув с трамплина, находившегося неподалеку от катка. У Изабель по ночам были кошмары. Но они вытерпели до конца, они создали танец, который прославил их и который они сами воспринимают как пытку. И все-таки и у фигуристов есть секунда счастья: «Как бы плохо ни было во время танца, как же прекрасен тот миг, когда все позади!»

ЗДРАВСТВУЙ, КИНГ КОНГ! Обезьяна начала свои странствия по свету в 1933 году. Именно тогда режиссер Мериан Купер снял в Голливуде фильм «Кинг Конг». Субсидировала съемки фирма РКО, дышавшая на ладан. Это был ее последний шанс выжить. И она выжила — да еще как! Режиссер Купер создал шедевр. История гигантской гориллы (движущуюся куклу гориллы создал инженер Уиллис О'Брайен), влюбившейся в прекрасную Энн (актриса Фэй Рей), обошла экраны всего мира. Таинственный остров, дикари, змеи, летающие драконы, визит обезьяны в Нью-Йорк и ее трагический бой с американскими ВВС — эта наивная, сентиментальная и вполне безобидная сказка равно увлекала взрослого и ребенка...

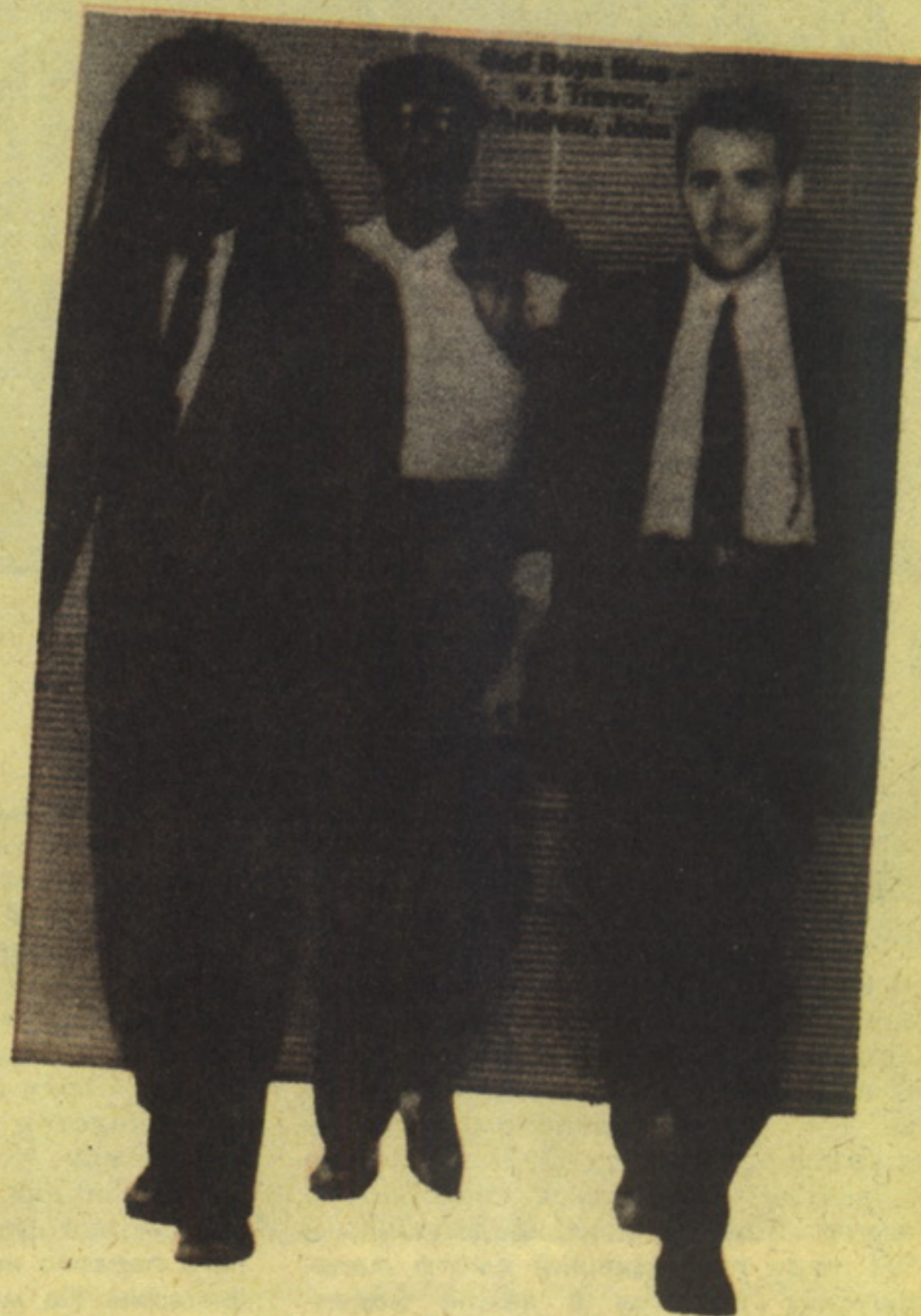
Тот, первый «Кинг Конг», снятый в 1933 году и ставший классикой кинематографа, до нас не дошел. На наши экраны выходит один из многочисленных фильмов-повторов: та же история, изложенная сорок четыре года спустя.

ПОХОЖЕ, ДЕЛО ДВИЖЕТСЯ К ЗАКАТУ черного винилового диска: вначале традиционную долгоиграющую пластинку несколько потеснили компакт-кассеты, но сокрушительный удар ей нанесла новинка 80-х — компакт-диски. Правда, стоимость лазерных проигрывающих устройств для компакт-дисков пока высока. Но, поскольку фирмы грамзаписи уже через два года предполагают сократить производство обычных пластинок до 10 процентов от общего объема выпускаемой продукции, цена проигрывателей, видимо, упадет.

Фирмы, выпускающие компакт-диски, наладили переиздание классики рок-музыки, но как быть с теми пластинками, которые и сегодня-то можно найти только у коллекционеров? Судя по всему, для широкого круга любителей они пропадут безвозвратно. В США уже появилось общество, выступающее в защиту виниловых дисков, но карикатура, опубликованная в журнале «Роллинг стоун», не оставляет надежды на благополучное разрешение дела.

Как нам сообщили специалисты фирмы «Мелодия», в СССР также уже готовятся мощности по выпуску компакт-дисков, и к 1991 году — так запланировано — их производство будет составлять 3 миллиона штук в год. А промышленное изготовление проигрывающих устройств должно начаться уже с этого года.

Ровесник

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! Вы не просто спрашивали, вы заваляли нас просьбами рассказать о группе из ФРГ «Бэд бойз блю». Мы молчали. И не потому, что не хотели предоставить вам информацию, а потому, что не могли ее раздобыть: о группе «Бэд бойз блю», столь популярной у нас, почему-то не пишет ни одно рок-музыкальное издание мира. И вот наконец... Журнал «Браво» опубликовал фотографию (извините за качество, но таким оно было и в «Браво») и краткую информацию.

Трио «Бэд бойз блю» возникло в 1984 году. Состав: уроженец Ямайки Тревор Тейлор, 30 лет. Прежде выступал с Эдди Грантом и группой «Ю-Би 40». Джон Макинмей (ему также 30) из Ливерпуля, прежде чем стать ударником, был биржевым маклером. Эндрю Томас (41 год) у себя на родине, в Калифорнии, уже добился некоторой известности как джазовый певец. Все трое по разным причинам попали в Кельн, где и организовали «Бэд бойз блю». Ух!

ДЫШИТЕ ГЛУБЖЕ — эта новость не может не взволновать. В Токио открылся первый в мире кислородный бар. Посетителям спортивного отдела универмага «Такашима-майя» за дополнительную плату предлагается дополнительная услуга: в течение трех минут можно подышать чистым кислородом. Этот опыт, удобный и даже необходимый покупателям и выгодный владельцам крупных магазинов, уже переняли в Калифорнии: одна порция кислорода стоит 90 центов. Можно и на вынос: четырехлитровая канистра — около 6 долларов.

БЕККЕР - 2022

В середине семидесятых годов в теннисной секции спортклуба небольшого западногерманского городка Леймен занимался мальчик Борис Беккер. Впервые взяв в руки теннисную ракетку в три года (это была ракетка отца), он в семь уже выигрывал местные мальчишеские турниры. Его первым тренером был его тезка Борис Бресквар. Он понимал, что у Беккера незаурядные способности. Гюнтер Бош, тренер федерации, в 1976 году проводивший смотр мальчишеских талантов в земле Баден-Вюртемберг, записал о Беккере в оценочный лист: «Хорошее чувство мяча, хваток, ловок». Но тот же Бош позднее вступил в спор с Брескваром, полагавшим, что его ученик созрел для того, чтобы выйти на национальную арену. Бош так не считал. Способности Беккера казались ему достаточными лишь чтобы играть в местных турнирах.

Мечтал ли мальчик Борис Беккер стать первым в мире теннисистом? Мечтал, но в мечтах этих не было ничего определенного и конкретного. Так все мальчишки, играя, представляют себя чемпионами: кто Пеле, кто Харламовым. Рыжеволосый веснушчатый Беккер представлял себя Бьерном Боргом, великим шведским теннисным игроком, пять раз выигрывавшим Уимблдон. Он и сам в игре немного походил на Борга — насколько может походить на первую ракетку мира одиннадцатилетний мальчишка, бегающий и прыгающий за мячиком на провинциальном гаревом корте. Он был высок, хорошо рос, у него были длинные и сильные руки. Он играл размашисто и мощно для своих лет. Но при этом не зарывался, не стремился непременно выскочить к сетке. В нем — в жизни и в игре — были расчет и прагматизм, удивительно сосуществовавшие с живым, горячим темпераментом. В конце семидесятых, когда Борг однажды играл в Гамбурге, Беккер подбежал к нему и попросил автограф. Он рассказал об этом семь лет спустя, когда

сам впервые выиграл Уимблдон. Вообще-то автографов он не собирал, «но у Борга я взял единственные автографы в моей коллекции, четыре штуки. Один из них я сохранил до сих пор», — «А остальные?» — «Остальные я продал. Штуку за десять марок».

В 1984 году тренер федерации Бош рекомендовал Беккера своему другу менеджеру Иону Тириаку — тот как раз искал для себя нового подопечного, из которого можно было бы сделать первого номера мировой классификации. На меньшее Тириак не был согласен. К этому времени Беккер стал одним из лучших игроков в своей возрастной категории в ФРГ. Это, впрочем, еще ничего не значило. Тот, кто обыгрывает всех в пятнадцать лет, необязательно будет чемпионом в восемнадцать. Но Беккер Тириаку понравился. Менеджер, сам бывший раньше теннисистом, посмотрел игру Беккера и понял, что парню есть куда развиваться. Весной 1984 года Тириак подъехал к дому архитектора Карла-Хайнца Беккера на взятом напрокат «роллс-ройсе». Он хотел произвести впечатление богатого человека. Борису Беккеру в этот год было шестнадцать. Тириак сказал его отцу: «Если вы согласитесь на мои условия, то в будущем вам придется мало видеть Бориса, но много слышать и читать о нем». Его условия были таковы: он за 20 тысяч марок выкупает Беккера из контракта с Федерацией тенниса ФРГ, получает в будущем 30 процентов от всех рекламных поступлений и 10 процентов от всех гонораров своего ученика — и берется сделать из него теннисиста экстра-класса. Борис был согласен. Его отец Карл-Хайнц и мать Эльвира — тоже. Тренером в команду Тириак взял Гюнтера Боша.

Постепенно Тириак вводил его в мир большого тенниса, выставляя то в одном, то в другом европейском турнире. За десять месяцев тренировок он проделал огромный путь. Среди теннисистов, для которых сильные руки

являются профессиональной необходимостью (Мартина Навратилова делает в день 250 отжиманий, пятью сериями по 50), Беккер выделялся именно силой и резкостью. У него была феноменальная подача — мяч после нее летел со скоростью 302 километра в час. В 1984-м в Милане он встретился с Маккинроем, первой ракеткой мира. Он бился отчаянно. В решающей партии счет был 4:4, но тут у Беккера «отказала» подача: нервы. Маккинрой психологически подавил его. «Великий Мак» показывал противнику язык, махал приставленными к ушам ладонями, грозил публике, болевшей за Беккера, и вообще вел себя как гений, которому все позволено. Все это значило, что он ведет себя так, как он хочет. Потому что хозяин здесь (не на этом именно корте, а вообще в теннисе) он, Джон Маккинрой. Судьи мягко журили его, когда он швырял ракетку на корт и нецензурно ругался. У Беккера были каменные бицепсы и стальные икры, но перед Маккинроем он оробел. Он не научился еще противостоять психологическому террору. Перед закаленными в боях профессионалами, умеющими не показывать страха и вселять страх в соперника, он был не более чем семнадцатилетний мальчик из хорошей семьи, краснеющий от «плохих» слов. Рыжий цыпленок.

Теннис — суровая игра. В нем нет ничьих, как в футболе, гандболе, хоккее. Если ты не выигрываешь, то должен проиграть — закон игры. В футболе или баскетболе ты можешь утешать себя тем, что был хорош, но команду подвел вратарь или центровой, в теннисе кивать не на кого. Оправданий нет. Если ты проиграл, то это ты проиграл. В борьбе ты можешь выиграть, даже будучи слабее, даже загнанный в угол: один проведенный прием — и ты спасен. В теннисе такой возможности нет. В каждом гейме ты должен выиграть у соперника два очка, в каждой партии выиграть на два гейма больше.

Бокс может сравниться с теннисом по своей суровой сути. В боксе тоже нет ничьих. В боксе тоже идет противоборство одиночек. Два человека выходят на ринг и бьют друг друга в лицо и в живот, чтобы выяснить, кто сильнее в этом жестоком искусстве. В теннисе суть противоборства та же, но она замаскирована, упакована в цивилизованную оболочку. Игрок бьет не по черепу соперника, а по мячу. Физического контакта соперников нет — они разведены по обе стороны сетки. Они одеты в белое, во все белое, вплоть до носков в белое, а белый цвет означает благородство и невинность. Но во многом это — маскарад. Под белой одеждой пылают те же страсти, что в широкой и потной груди профессионального боксера и борца: злость, ненависть, раненое самолюбие. Сетка, лишаящая соперников возможности сойтись в прямой стычке, заставляет их выражать свои чувства в подачах, топ-спинах, смэшах, жестах и гримасах. Что такое первая подача Лендла, как не смертный приговор? Что такое бритый череп, панковый гребень и неподвижное лицо-маска Пернфорса, как не облик убийцы, вышедшего убивать вас на лужайке с помощью мячика, ракетки и сетки? За что они так бьются, отчего они так немилосердны? Они хотят быть первыми. Но первым может быть только один из них.

Летом 1985 года Беккер приехал на Уимблдон. В одной восьмой он играл с американцем Мейотом. Игра у него не шла. Он упал, растянул ногу, и все повисло на волоске. Но Беккер был уже не тот робкий новичок, что полгода назад. Все, чему он учился, он учился очень быстро. В один из моментов, недовольный решением судьи, Беккер бросил ракетку на траву и закричал: «Они обманывают меня тут! Черт побери! Дерьмо проклятое!» Он все-таки выиграл игру, а вечером Тириаки и Бош устроили ему головомойку: «Это было на грани выносимого» (Бош). «Мы откровенно высказали ему свое мнение». Впрочем, оба понимали, что Беккер — холерик по натуре — разряжается таким образом, снимая напряжение. Но одно дело, когда так ведет себя великий Маккинрой, уже заработавший себе миллионы долларов и репутацию капризного гения, а другое Беккер, который никто. Новички, чтобы быть симпатичными, должны быть безупречными. С этого момента Беккер, если и ругался на корте, то лишь на себя: «Идиот! Куда же ты бьешь, идиот проклятый!» Он не щадил ни себя, ни другого, по ту сторону сетки. Как за год, из подающего надежды юниора, он вырос в мощного игрока, умеющего все, так за две недели Уимблдона он из добродушного, старательного мальчика превратился в свирепого теннисного бойца, выходящего на корт не играть с соперником, а уничтожать соперника. «Сегодня будет много крови!» — сказал он перед игрой с бывшим подопечным Тириаки Леконтом. «Я врежу этому Каррену!» — перед финалом.

Кевин Каррен, с которым Беккер играл в финале, был двадцатисемилетний американец, уже много лет входивший в элиту мирового тенниса. Он был крепкий профессионал, не хватающий с неба звезд, но свое берущий исправно. Этим летом он был в отличной форме. Он взял свое у первой и третьей ракетки мира (Маккинроя и Коннорса), выбив их из турнира. Он понимал, что скорее всего играет в финале Уимблдона первый и последний раз в жизни. И он играл так, как умел, и даже лучше. Особенно удались ему вторая и третья партии, в которых у него вдруг прорезались феноменальные обводящие удары. Вторую он выиграл 7:6, третью проиграл с тем же счетом. Но к середине четвертой его рука все чаще как бы сама собой тянулась к цепочке-талисмани, висевшей на его загорелой шее, в разрезе адидасовской рубашки. Весь его опыт и вся его самоотверженность не могли остановить Беккера. Австралиец Макнами, тоже проигравший Беккеру на этом турнире, сказал, что «Беккера мог бы остановить только Беккер». Это был еще невиданный, какой-то новый теннис. В игре Беккера была мощь и размашистость Борга, резкая импровизация Маккинроя. Но при этом это была не копия, а оригинал, не эклектика, а что-то принципиально новое, для чего еще не было ни терминов, ни обычных человеческих слов. «Никогда в моей жизни я не видел более сенсационной теннисной игры!» — воскликнул на трибуне англичанин Фред Перри, трижды выигрывавший Уимблдон. «Этот немец может все, и в придачу лучше, быстрее, агрессивнее, смелее других и с абсолютным инстинктом чемпиона, — это уже после игры прокомментировал другой великий игрок прошлого, австралиец Левис Худ, выигрывавший Уимблдон в 1956-м и 1957-м годах. — Он бьет мячи, которые, противореча всем законам физики, летят туда, куда не ждет никто, кроме Беккера. Он начинает новую эпоху, и, возможно, она будет самой интересной...» Когда Беккер выиграл последний мяч, он выбросил руки вверх, закинул назад голову с закрытыми глазами и трижды ликуяще завопил. Никто в семнадцать лет не выигрывал Уимблдон. Он сотворил чудо.

В тот момент на корте, когда он держал в руках тяжелую серебряную чашу и прикасался к ней губами, он был счастлив и верил в победу. Но уже через неделю одержанная победа стала казаться ему каким-то миражем. «Все так изменилось! — удивился Беккер на одной из пресс-конференций. В голосе этого высокого, здорового парня (рост 190, вес 85) звучала чистая, наивная растерянность. — Вот я сижу здесь и даю пятидесяти журналистам интервью!» — «Вы в семнадцать лет выигрываете Уимблдон...» — начал один из журналистов. — «Когда вы так говорите, для меня это звучит совершенно невероятно. Что Бьери Борг выиграл Уимблдон пять раз, это я знаю. А что я, имен-

но я?!» За 3 часа 18 минут финала он стал кумиром нации. В первую неделю он получил двенадцать тысяч писем. Все их он прочел. «Я же не могу их просто взять да выбросить!» Из этих писем он вдруг понял, что люди любят его, любят нежной, преданной любовью. Гордятся им. Спрашивают его совета. Матери ставят его в пример сыновьям, девушки ищут с ним встречи. Некоторое время он ходил как оглушенный, особенно после того, как с ним встретился президент ФРГ фон Вайцзекер и сказал, что его путь — пример для всей западногерманской молодежи. А газета «Бильд» поместила передовицу о нем рядом со статьей о политике ОПЕК — он, семнадцатилетний Борис Беккер из Леймена, был так же важен и интересен людям, как нефтяные шейхи и война Ирана и Ирака! Он хотел стать лучшим в мире теннисистом, а стал общественно-политической фигурой с теннисной ракеткой в руках. «Победа пришла слишком рано», — мудро сказал менеджер Тириаки, имея в виду, что все это чересчур для семнадцатилетнего парня.

При этом шум и слава не могли заслонить для Тириаки того факта, что его Борис еще далеко не достиг поставленной цели. Победа на Уимблдоне еще не значит, что ты сильнейший в мире. Она значит, что ты вошел в круг тех, кто может стать сильнейшим в мире. И борьба среди этих игроков идет жесточайшая. Эта борьба не решается в одном турнире, в одном матче. Кочуя по миру, переезжая из города в город, из страны в страну, эти игроки встречаются друг с другом раз, и другой, и третий, и пятый, и десятый, до тех пор, пока один не докажет другому свое превосходство и право стоять на ступеньку-другую выше. Не встав на этот теннисный конвейер, нельзя стать первым — победы от случая к случаю не выводят на самый верх. Первый — это не тот, кто сегодня лучше всех. Это тот, кто каждый день лучше всех. Беккер это понимал. «В техническом и физическом плане у меня больше нет недостатков. Но быть номером первым — это кое-что еще, нужно быть лучшим не только в теннисе, но и вне корта. Нужно просто все делать лучше других, даже когда болен, когда болят уши или мучает насморк, или плохое настроение, а ведь ты всего лишь человек. Это цена, которую могут заплатить очень немногие».

Появление новой теннисной звезды не обрадовало прежние. Победа Беккера была вызовом, брошенным им на глазах у всего света. Чего стоит их годами утверждавшийся класс, если провинциал из Леймена играет не хуже? «Пускай только приедет сюда!» — сказал Маккинрой перед турниром во Флэшинг Меддоуз. «Я требую от тебя уважения, я на десять лет старше тебя!» — крикнул Беккеру все тот же Маккинрой во время игры в Вайоминге, когда Беккер повернулся к нему спиной. — Ты хоть знаешь, паренек, кто стоит перед тобой?» И хотя Беккер был

уже победитель Уимблдона, миллионер, кумир тысяч немцев — для Маккинроя, Коннорса, Лендла он был не более чем «паренек», свалившийся прямо в середину всемирной теннисной бучи. Он должен был доказать им, что имеет право тут быть. И он начал это доказывать. В Токио, в показательной игре, он обыграл Коннорса за 38 минут — двенадцать минут на партию. Через год, летом 1986-го, он во второй раз выиграл Уимблдон — чудо в квадрате, тренер Бош впервые в жизни плакал после теннисной игры (Беккер выиграл в финале у Лендла). Но эти победы опять не выводили его на первое место, никак не выводили. Компьютер суммировал результаты, и выходило, что первый все-таки Лендл, он стабильней, он меньше проигрывает тем, кто ниже его по табели о рангах, и показывает лучшие результаты в крупных турнирах, из которых не пропускает ни одного. Беккер следил за передвижениями Лендла по миру с заинтересованностью и некоторым беспокойством. «Этот Лендл... Он прямо с самолета едет на корт и прямо оттуда возвращается обратно в самолет. Например, через два часа после победы надо мной в турнире «Уэмбли» он «Конкордом» улетел в Нью-Йорк и сразу дальше, в Лос-Анджелес. Следующим вечером после нашей игры он снова стоял на корте. После показательной игры с Герулайтисом он тут же полетел на следующий турнир в Канберру, в Австралию. Лендл знает, что осилит это. Я должен тоже попробовать, чтобы посмотреть, справлюсь ли я...» Одно качество для подобной жизни у него, во всяком случае, было: он мог спать в самолетах и, значит, не нуждался в долгих паузах для отдыха на земле. Он вообще любил спать и спал от десяти до четырнадцати часов в сутки.

Обыграть Лендла в этой гонке — вот была теперь задача Беккера. Этому требовали от него газеты, журналы,

поклонники, вся Федеративная республика. Победы Беккера в воскресных финалах стали для тысяч немцев такой же составной частью уик-энда, как выезд за город и семейный обед. Но та концентрация духа, что удавалась ему на три часа игры или две недели турнира, не выходила теперь, когда речь шла о том, чтобы быть таким день за днем, как это мог Лендл, с его ледяными глазами, бьющейся на виске жилкой и выражением страдания и долга на худом, почти изможденном лице. Беккер стал проигрывать. Часто в первом же круге. Американец Ариас победил его, наш Чесноков, швед Нюстрём. Новички из низов мировой классификации бились теперь против него так же отчаянно, как он пару лет назад против Маккинроя. Но теперь он был «великий Беккер», «большой Борис», — а они жадные до славы претенденты. В Париже он едва не проиграл Нуньесу, занимавшему 475 место в мире. Он, правда, стал опытен и научился аккуратной игре, в которой отдавал инициативу близкому к победе сопернику. Он устранял из своих действий риск и давал сопернику шанс сделать все возможные ошибки. И, как он всего пару лет назад подвергался психологическому террору более опытных игроков, так теперь он сам терроризировал молодежь. В той же игре против Нуньеса, проигрывая 1:4 во второй партии, Беккер, после того как судья на линии посчитала его мяч пущенным в аут, отправился к ее стулу, уселся на него и протянул женщине ракетку: «Лучше играйте вы, мадам, а я посужу!» «Я подсмотрел этот прием у Лендла и Маккинроя, — объяснил он потом. — Такие дела работают у судьи в подсознании. С этого момента Хуго Нуньес не выиграл больше ни одного сета». Он не видел здесь ничего неспортивного — на войне как на войне.

Он чувствовал себя старше своих лет. «Годы между 17 и 23 я пропустил... Я пробился в мужской мир, где для молодых нет места. Или ты остаешься тут, или уходишь вниз». Но, даже проигрывая, он оставался сенсацией. Сама игра его, вне зависимости от результатов, вызывала интерес. Люди чувствовали в нем что-то необычное. В Сиднее, стоило ему выйти на улицу, вокруг него собиралась толпа. В Нью-Йорке, на Пятой авеню, люди оборачивались на него. Но хуже всего ему приходилось на родине, в ФРГ. Он старался бывать там поменьше (в 1985 году — девять дней). «Там они так любят меня, что могут задавить. Когда я дома, каждый хочет урвать кусок от пирога. Если я сижу в ресторане, то кто-нибудь подходит к столу: я дружески говорю с ним, он фотографирует меня. На следующий день это фото в газете, и под ним стоит, что я ел, пил и сколько дал на чай... Дома меня делают больше, чем я есть. Но если мои дела идут не очень хорошо, то меня делают хуже, чем я есть. Или я бог, или злодей. Послушайте, моим величайшим переживанием как теннисиста была игра в Нью-

Йорке, когда я проиграл шведу Нюстрему, но люди, несмотря на это, аплодировали мне. Когда я вернулся в Германию, в аэропорту меня встретили вопросом: «Как вы переживаете этот шок?» Я сначала подумал, что кто-то умер, но репортер имел в виду игру в Нью-Йорке... Мне кажется печальным то, что люди у нас так реагируют на это, и я теперь серьезно боюсь, что случится, если я на следующий год, может быть, буду только номером во-семь».

В обступавшей его толпе, заваленный письмами поклонников, везде дорогой гость — он все чаще чувствовал себя одиноко. Он попытался восстановить отношения с одноклассниками. «Но у них трудности со мной, большие, чем у меня с ними. Они не могут вести себя нормально относительно меня. Мне это очень больно. Для них я больше не Борис, а победитель Уимблдона». Его слава отрезала его от людей, с их нормальными, ежедневными заботами, хождением в гости, разговорами. Он, в свои девятнадцать лет, со своим живым и общительным нравом, не любил и не хотел одиночества — и был обречен на него. Потому что только в одиночестве чувствовал себя нормальным человеком. В незнакомых городах, в Париже, Канберре или Нью-Йорке, он все чаще садился в автомобиль и ехал куда глаза глядят. Эти поездки в никуда, эти блуждания по чужим улицам, по которым шли чужие, бесконечно далекие от него люди, занимали у него час, два и три — все время, свободное от игр и тренировок. Куда он ехал? От кого? Окружающим он по-прежнему казался счастливым — Борис, король корта, миллионер, чье молочное-розовое лицо олицетворяет здоровье и неизменно хорошее настроение. Но, спрятавшись от мира в машину и глядя в лица прохожих из-за лобового стекла, он чувствовал себя «совсем другим человеком». Другим — каким? «У меня не было выбора. В семнадцать я выиграл Уимблдон, прославился за ночь, и никто не знал, как мне это удалось... Из месяца в месяц я разговаривал с президентом страны, канцлером и руководителями всевозможных фирм... Меня не спрашивали, хочу ли я этой жизни. Я должен был ею жить. И я принял ее, потому что я хочу быть номером первым. И если такая цена за это, то я ее заплачу». Но в видимой решительности последней фразы — внутренняя неуверенность в том, так ли он хочет того, что он, Тириак и Бош поставили целью в начале пути. «Я на собственном опыте понял, что герои не живут долго. Я хочу быть хорошим игроком и хорошим человеком. Вообще-то нелегко соединить эти две цели в одну».

Беккер, высокий, рыжий парень с розовым молочным лицом и золотыми ресницами, ворвался в мировой теннис тогда, когда все стили и направления в нем казались доведенными до совершенства. Подвижная, боевая игра Коннорса — и тягучая, с задней

**Патрис БОЛЛОН,
французский журналист**

Всю жизнь я был не лучшего здоровья... Но вот дотянул, любезнейший!» Стефан Граппелли с осторожностью шагает по своей крохотной квартире на улице Дюнкерк. Это было как раз накануне его восьмидесятилетия, и он осторожничал, потому что ни за что на свете не хотел, чтобы сорвался концерт, который, по случаю юбилея, он давал в Лондоне вместе с Иегуди Менухиным.

Родившись на улице Рошфуко, он так и прожил восемьдесят лет на Монмартре. И дома у него каждая вещь, кажется, стоит на своем **ОКОНЧАТЕЛЬНОМ** месте: абсолютная симметрия рамок с фотографиями, выстроенные как по нитке корешки пластинок, которые будто только для украшения — никаких следов того, что мы привыкли считать обителью творчества. Разве что скромное пианино, но и оно явно перегружено всякими безделушками. Как-то Стефан Граппелли сказал: «Я как Джанго. Не могу играть для себя — только для кого-то: для музыканта или для публики».

Публика — ее на концертах и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Париже неизменно больше, чем билетов. И Граппелли, который так не любит летать самолетами, совершает иной раз по два перелета в день. Он уже давно стал легендой. Американский «Даунбит» занес его в список своего «Зала Славы» — он стоит в списке рядом с Армстронгом и Эллингтоном, среди пятидесяти других «исторических» джазовых музыкантов. Конечно, пальцы уже не те, но его скрипка по-прежнему звучит элегантно и чисто. Это уже не от пальцев, а от характера, а он не меняется.

А первая скрипка появилась у него в 12 лет. Подарок отца, итальянского анархиста, профессора философии и безработного: она звучала, как коробка из-под сигар, если на нее натянуть струны. Вручая ее, отец произнес великие слова: «Учись музыке, сын, она ключ ко всему».

Собственно, учебы как таковой не было — были концерты знаменитых скрипачей, на которых довольно трудно — с галерки-то — было понять, как это делается. А потом появились первые музыкальные автоматы с записями новоорлеанского джаза. «Я был заморожен. Джаз походил на веер, который раскрывается у тебя на глазах». Но из своей скрипки и саксофона — он выучился играть на нем, чтобы не упускать возможности играть там, где скрипач был не нужен, — он извлекал только «музыку для живота», как называли музыканты свои выступления на свадьбах и похоронах, когда в награду им полагалось то, что оставалось на столе.

И еще аккомпанировал в синематографе — по шесть часов в день, по семь дней в неделю. «Время от времени удавалось сыграть рэгтайм или «кей-куок», если показывали фильм с Чарли Чаплином, а так — Моцарт днями напролет». Граппелли было пятнадцать лет. К этому времени он уже успел поучиться несколько месяцев в консерватории. По классу фортепиано.

Скрипка началась потом, когда его, музыкального служащего, пригласили в оркестр знаменитого монпарнасского кабаре «Южный крест». Знаменито оно было тем, что туда, бывая в Париже, неизменно заглядывали Хамфри Богарт и великий Чаплин. В этом кабаре он дотянул до 1931 года, до того утра, когда к нему подошел какой-то цыган и сказал: «Господин Драппелли, я гитарист и ищу себе в пару скрипача». Это был Джанго Рейнхардт, который до самой смерти коверкал имя своего друга.

Граппелли вмиг уволился из «Южного креста», но оказалось, что знаменитый гитарист и не думал приглашать его работать вместе с ним, ему просто хотелось при случае сыграть дуэтом.

В 1934 году во время выступления в одном из парижских салонов Граппелли порвал на скрипке струну и отправился за кулисы, где в это время репетировал оркестр. Первым, кого он встретил, был Джанго. В перерыве между отделениями они на радостях симпровизировали что-то на джазовую тему. К ним присоединился контрабасист Луи Вола, чуть позже подошли два брата Джанго, а еще через какое-

линии игра Борга. Артистичный стиль Яника Ноя — и резкие удары Патрика Кэша, о котором теннисистка Коде-Килш сказала, что он «скорее боксер, чем теннисист». Что нового можно еще изобрести в этой относительно несложной игре с крошечным желтым мячом? Но Беккер заиграл по-новому. Он уплотнил игру до предела, он ускорил и усилил ее там, где она, казалось, уже не поддается усилению. При этом он, выделяясь силой подачи и удара (Мартина Навратилова назвала его «игроком с фаустпатроном в правой руке»), вовсе не на одной силе строит свою игру. Он использует свою силу как фундамент для Игры — Игры, суть которой в импровизации, оснащенной невероятно высокой техникой. Техника Беккера своей эффективностью наводит на мысль о компьютерах. Мячи, пущенные им, летят с космической скоростью и парадоксальной точностью, так, как будто в них заложен расчет XXI века.

Поколение, активной силой пришедшее в мир в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, создало свою музыку, свою моду, свою философию — и свой стиль жизни. В теннисе этот стиль жизни лучше всего выразили Маккинрой и Коннорс, менявшиеся вместе с поколением и прошедшие путь от бесчинств юности к ровному, спокойному и мужественному бытию без деклараций, но с внутренним знанием нескольких простых положительных истин. Дух этот очевиден в нынешней игре Маккинроя и Коннорса; особенно Коннорса, все слова и жесты которого на корте окрашены добродушной иронией и неунывающим мужеством, которое не оставляет его даже тогда, когда он стоит на грани поражения. Но такой теннис, возможно, чужд и непонятен новому молодому поколению — тем, кому сейчас двадцать. Беккер играет в их теннис. Это теннис молодых прагматиков, умеющих находить компромисс между жизнью и идеалом. Это теннис поколения, одержимого не жаждой саморазрушения, как это было у поколения семидесятых, а жаждой здоровья. Наверное, это теннис будущего. Беккер, во всяком случае, играет в швейцарских часах, запрограммированных до 2022 года.

На турнире в Индианополисе тринадцати-четырнадцатилетние мальчики и девочки, стоящие вокруг кортов и подающие игрокам мячи, вдруг предприняли странный и небывалый коллективный поступок. Они скинулись — кто полдоллара, кто доллар, кто два — и купили Борису Беккеру в подарок цветастую гавайскую рубашку. Именно ему, хотя не он, а Лендл первый номер. Что они хотели сказать ему этим трогательным подарком? Что он — их кумир? Что в его теннисе они чувствуют токи своей души? Что они верят в него, потому что будущее за ним, двадцатилетним?

«Я целый день после этого бегал, переполненный гордостью».

то время за кулисами появились некто Панассье и Деланоз из французского клуба «Хот-клуб» и предложили им записать пластинку. Родился знаменитый квинтет.

Впрочем, триумфальным это рождение не назовешь. Пластинку согласилась выпустить только никому не известная фирма. Остальные от нее откристились, назвав слишком «модернистской». Но и та фирма не многим рисковала: «Мы должны были получить на пятерых за пластинку 500 франков, то есть по одному франку на нос на нынешние деньги». Но это было начало чудесной истории дружбы людей, понимающих друг друга без слов.

Многие годы после смерти Джанго — он умер в 1953-м — Граппелли ставил рядом с собой на сцене пустой стул: «Напомнить, что Рейнхардт незаменим. Он был уже сам по себе целой консерваторией».

Конечно, не все было гладко у этих двух людей, обоих с характером. «В Джанго была такая природная элегантность, что он должен был родиться принцем. Но занудой и гордецом он умел быть порядочным. Однажды мы должны были подписать контракт на турне по Англии. Джанго не умел читать, но не мог показать это прилюдно. И в момент, когда надо было ставить свои подписи, он ткнул пальцем в какой-то параграф контракта и воскликнул, что он с этим пунктом согласиться не может. В том параграфе оговаривалось, что мы должны ехать в Лондон в высшем классе. Он не соглашался признать свою ошибку, и пришлось спорить целый день».

Их разделила война. Джанго бросил музыку и принялся писать картины, Граппелли оказался в Лондоне, где сколотил группу из музыкантов, похоже, единственных джазменов в Англии, которые не были мобилизованы. Пианист был слепой, контрабас — одноногий, ударник — после трепанации черепа.

После войны квинтет восстановился, но, оказалось, что музыканты прожили за это время слишком разные жизни — с общего согласия они разошлись навсегда. Граппелли играл соло — странная была эта музыка, отмеченная щедростью, если такое в музыке бывает. Эта щедрость, вероятно, осталась в нем с тех времен, когда отец, ушедший на первую мировую войну, сдал его в сиротский дом. Страшные это были месяцы. Может быть, поэтому восьмидесятилетний Стефан Граппелли до сих пор может позволить себе как мальчишка встать во фрунт и отдать честь даме в машине, нетерпеливо сигналившей такси, остановившемуся у подъезда Граппелли, чтобы везти великого скрипача в аэропорт:

«Лишь бы она меня не признала! Это повредит моей репутации...»

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Энтони ДЕ КУРТИС, американский журналист

Отлично, Джордж, спасибо, что ты присоединился к нам. Всех волнует, как твоя рука?

Идет съемка рекламного видеофильма, который фирма «Уорнер бразерз» собирается продемонстрировать на ежегодном съезде американских фирм грамзаписи: «подобные фильмы, представляющие звезд фирмы, поднимают репутацию шоу-бизнеса и стимулируют работу финансового аппарата индустрии». Настроение в штаб-квартире «Уорнер бразерз» благодушно-нервозное: только что в магазины поступила пластинка Харрисона «Вершина блаженства», первая работа музыканта за пять лет. Мнение специалистов единодушное: «Вершина блаженства» — лучшая пластинка Джорджа после распада «Битлз», с нею может конкурировать разве что его тройной альбом 1970 года «Все должно пройти». Естественно, «Уорнер бразерз» возлагает на Харрисона большие коммерческие надежды, и сюжет с его участием должен стать кульминацией.

Все сюжеты нанизаны на «сквозную тему» — бейсбол. А для «связки» приглашен известный спортивный комментатор Фред Роггин. Для американцев в год дубовых бит (в 1987 году отмечался юбилей американского бейсбола. — Примеч. пер.) это тема святая, и вот теперь Харрисон одет в полосатую футболку с длинными рукавами и черные джинсы и усажен в глубокое кресло. Он отвечает весело, по правилам игры.

— А, рука... Все в порядке, Фред. Очень тронут твоим вниманием. Немного перетрудил, понимаешь, ритм-гитара — не моя стихия, пришлось изрядно поработать, как вашим парням в последней серии игр с «Хьюстоном»...

— Можно ли рассматривать название твоего нового альбома как скрытый намек на удачную игру наших «девятых»¹ в этом году?

— По-моему, этот год еще преподнесет нам приятные сюрпризы.

— Расскажи немного о своем альбоме, как ты его записывал?

— Хм, мы работали на Гаити, — оживляется Харрисон, рассчитывая на отступление от проклятого бейсбола. — Совсем немного мистики в песнях — все-таки Гаити! — но в тайне всегда есть прелесть...

— Отличная пластинка, Джордж! — перебивает комментатор, строго придерживаясь сценария. — Ты славно потрудились! И все-таки, как связать твои песни с названием пластинки?

— Ну что же, Фред, в жизни каждого игрока бывает случай, который представляется лишь раз в жизни, —

¹ По-английски пластинка называется «Cloud Nine», в буквальном переводе — «Девятое облако», но это фразеологизм, означающий «блаженство, полное счастье». — Примеч. ред.

отвечает Харрисон, обходя, в соответствии со сценарием, заданный вопрос. — Помнишь, как Пол Молитор вырвал для своей команды кубок, сделав невероятную «свечу»? Это трудно объяснить словами, чтобы понять, надо самому выйти на поле.

Харрисон старается, но нелепый диалог и явное нежелание экс-битла выглядеть законченным идиотом ради рекламы своего альбома дают основания сомневаться в кинематографическом триумфе.

— Какое отношение все это имеет к пластинке?! — неожиданно взрывается он. — Вот что я хотел бы знать! — И вновь сникает.

Съемка окончена, Харрисон поглядывает на деловитых операторов.

— Я понимаю, у них были самые благие намерения, — говорит он. — В конце концов, они хотят угодить своим зрителям, которых, кроме бейсбола, ничего не интересует. Я все понимаю, но какое отношение это имеет ко мне?!

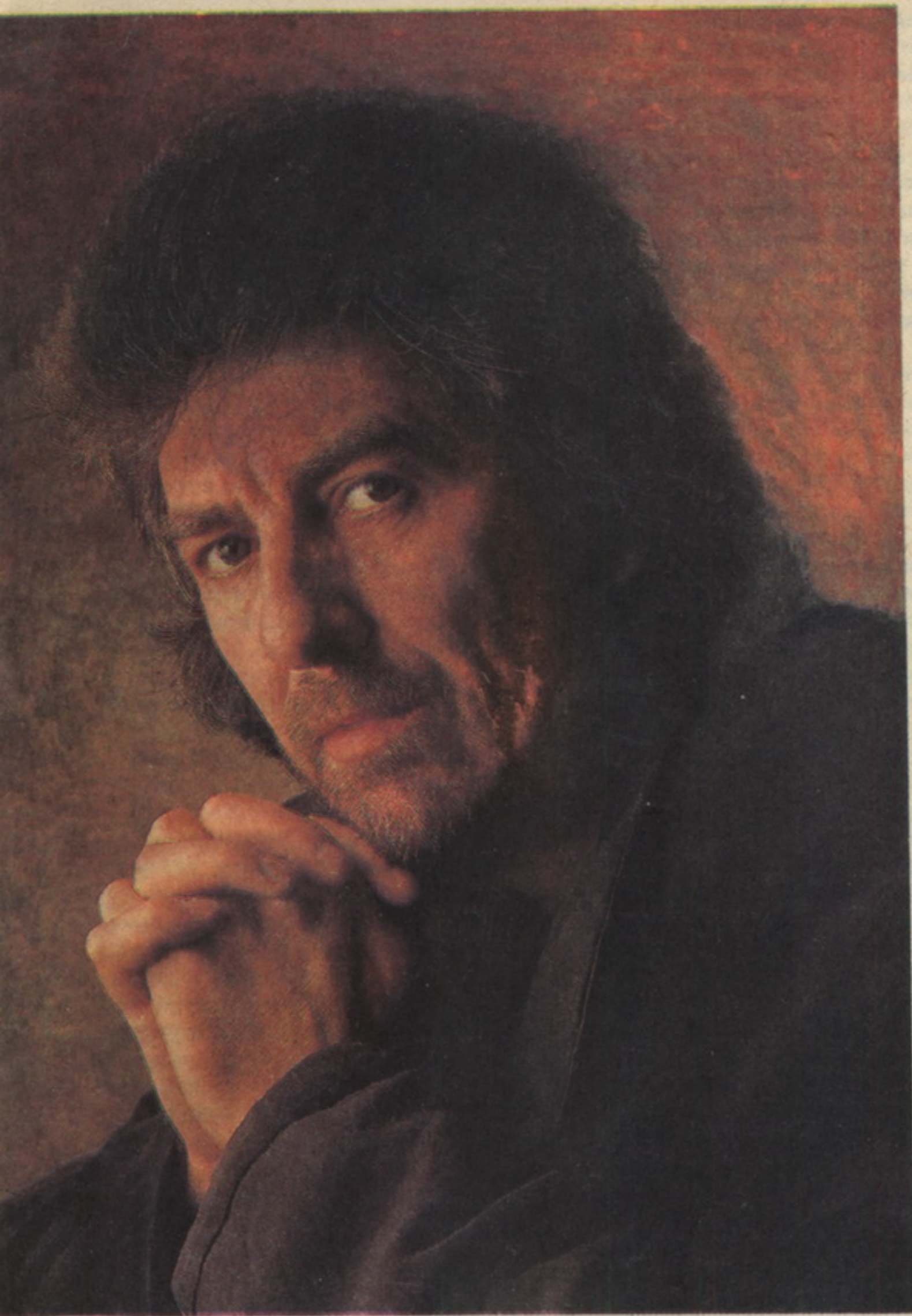
За два месяца до описанной выше съемки:

— Похоже, вы здесь единственный американец, — говорит Харрисон, встречая меня на железнодорожной станции Хенли-он-Темз в пригороде Лондона, где он живет с женой Оливией и сыном Дхани. Я был предупрежден, что меня кто-то встретит, но никак не предполагал, что это будет сам Харрисон.

После распада «Битлз» Харрисон долгое время избегал журналистов — «ушел с линии огня», как он поет в одной из песен на «Вершине блаженства». Причиной затворничества стала невероятная психологическая нагрузка. Харрисону казалось, что жизнь превращается в бешеный поток, и все попытки преодолеть течение оканчивались неудачей. «Мы же были совсем мальчишками, когда оказались на гребне этой лавины, — вспоминает Джордж. — Только позже мы начали понимать, что на самом деле происходит. До этого у нас просто не было времени на раздумья. Мы мчались с одного концерта на другой, из студии звукозаписи в телестудию, и снова концерты, концерты...»

В результате всяческих сплетен от «Битлз» начала отдаляться наиболее консервативная часть их поклонников — к сожалению, таких было большинство; этому в немалой степени способствовала и известная фраза Леннона о том, что «Битлз» более популярны, чем Иисус». Конфликт с публикой начал свободу, но они дорого заплатили за нее. «Какое-то время нас обожали, потом ненавидели, снова обожали и снова ненавидели, — говорит Харрисон. — Мы попеременно считались то милыми сорвиголовами, то ужасными бородатыми хиппи. И еще пресса... Она доходила до такого маршала, что хотелось биться головой о стену. Мы прошли через все это и научились не обращать внимания».

И все это бурное время Харрисон-композитор оставался в тени Леннона

НОСТАЛГИЯ

и Маккартни. Ему было невероятно трудно заявить о себе, но он сумел это сделать, вначале как член «Битлз», потом — как самостоятельный исполнитель. Интерес Харрисона к восточной музыке и философии, впервые проявившийся в 1965 году во время съемок фильма «На помощь!», определил его дальнейшую судьбу, он же стал и основой его имиджа: суровый аскет, стоящий особняком среди героев поп-культуры. Чтобы освободиться от пут прошлого, Харрисон часто предпринимал довольно рискованные шаги — как в музыкальном плане, так и в общественно-социальном, словно желая доказать, что его уже ничто не связывает с «Битлз», что не следует воспринимать его лишь как бывшего члена самой популярной в мире группы.

Однако время шло, и события прошлого, казалось, перестали волновать его. В июне 1986 года вместе с Ринго Старром и группой друзей-музыкантов он выступил на благотворительном концерте в Лондоне, исполнив две песни

«Битлз». После этого решился на выступление вместе с Джоном Фогерти и своим старинным приятелем Бобом Диланом.

Усадьба Джорджа называется «Монастырский парк». В ней Харрисон проводит большую часть времени, она стала символом его замкнутой натуры. Харрисон посвятил своему дому две песни — «Баллада о сэре Фрэнсисе Криспе» (так звали архитектора) вошла в альбом 1970 года, «Пряничный домик» включен в пластинку «33^{1/3}» 1976 года. Кроме того, «Монастырский парк» — великолепный плацдарм для Харрисона-садовода: это хобби он предпочитает не афишировать, так как считает, что оно несовместимо с образом рок-звезды, хотя и потускневшей.

Несмотря на то, что Харрисон почти исчез из поля зрения поклонников (особенно на фоне впечатляющего сольного творчества Леннона и Маккартни), он отнюдь не бездействовал. В 1971 году по просьбе своего друга, известного индийского ситариста Рави

Шанкара, Харрисон организовал концерт в помощь голодающим Бангладеш. В 1974 году совершил большое турне по Америке в сопровождении собственной группы и целого оркестра индийских музыкантов. Потом издал автобиографию, основал кинофирму «Хэндмейд филмз», постепенно ставшую весьма уважаемой в английском кинематографе. В том же 1974 году Харрисон создал собственную фирму грамзаписи «Темная лошадка» — он принимал участие в записях самых различных исполнителей, продюсировал их пластинки, сам регулярно выпускал сольные альбомы и синглы; одиннадцать его композиций в разное время входили в хит-парад американского радио.

Однако неудача последней сольной работы, вялого, безжизненного альбома 1982 года «Gone Troppo» в определенной степени повлияла на его отношение к музыкальной индустрии: нельзя сказать, что и раньше он питал какие-то иллюзии, но теперь уже можно было говорить о полном разочаровании. «Мне кажется, ему все стало безразлично, — сказал недавно Гэри Райт, старинный друг Харрисона и соавтор нескольких композиций, вошедших в последний альбом. — Это обычное дело, особенно, когда долго работаешь, а пластинка получается неудачной: все валится из рук и нет ни малейшего желания повторять эти муки».

Кроме того, перспективы развития популярной музыки в 80-е годы навели Харрисона на самые грустные мысли. «Всем как-то сразу расхотелось думать, и музыка стала такой одинаковой! Вот это-то и угнетало меня. Мода на глупость либо убивает настоящих художников, либо превращается в ширму, отгораживающую их от людей. Знаете, было время, когда меня буквально трясло от такого идиотизма, но сейчас... как-то привык и вообще перестал реагировать».

Дойдя до состояния полнейшего безразличия, Харрисон тем не менее продолжал писать песни — он даже время от времени встречался с друзьями, чтобы поиграть в свое удовольствие. Особенно часто музицировал с Дэвидом Гилмором из «Пинк Флойд», Миком Ральфсом из «Бэд компани» и Элвином Ли, бывшим лидером группы «Десять лет спустя». И вот в начале 1985 года он почувствовал, что готов к записи альбома. Следовало выбрать продюсера. Харрисон сразу же подумал о Джеффе Линне, хотя они никогда не работали вместе и даже ни разу не встречались: группа Линна, «Электрик лайт оркестра», играла музыку, в которой прослушивалось явное влияние «Битлз», но дело было не только в том. «Он гитарист, он композитор, он знает, что такое успех, — говорит Харрисон о Линне. — Прослушав его записи, я решил, что вместе мы можем кое-чего добиться. Оставалось найти человека, который вошел бы с ним в контакт и объяснил, что мне надо, — я считал, что необходимо заранее расставить все

точки над «i», чтобы не было никаких недоразумений».

Приглашение передал их общий знакомый Дэйв Эдмундс, известный гитарист и продюсер. «В то время я был в Лос-Анджелесе, — рассказывает Линн. — Пришел Эдмундс, мы о чем-то разговаривали, и потом, как бы между прочим, он сказал: «Чуть не забыл, Джордж Харрисон говорит, что хотел бы пригласить тебя для продюсирования нескольких его песен». Представляете, «чуть не забыл!» Да если бы мне предложили выбрать музыканта, с которым я больше всего хотел бы работать, я назвал бы именно Харрисона!»

Вначале речь шла только о продюсировании, но после нескольких встреч Харрисон намекнул Линну на свое желание писать музыку вместе. «Понимаете, вначале я выжидал, все-таки предстояло сделать ответственный шаг. Возможно, думал я, он тактичный человек — по крайней мере, производит такое впечатление, — но нет никакой гарантии, что он не поднимет меня на смех после моего предложения. В конце концов, моя последняя пластинка могла бы дать для этого основания, но... это же моя пластинка!» Они встретились еще несколько раз, а когда Харрисон работал над композицией «Шанхайский сюрприз» (эта песня вошла в одноименный фильм с участием Мадонны; продюсером фильма также был Харрисон. — Примеч. пер.), Линн помог ему с аранжировкой. Они продолжали встречаться, проигрывали друг другу свои сочинения и, не заключив никакого формального соглашения, как-то незаметно для себя стали работать вместе.

Известность пришла к Линну еще в 60-е, когда он был участником группы «Мув», позже он достиг статуса «суперзвезды» вместе со своей группой ЭЛО, но в тот момент, когда появился Харрисон, Линн был не у дел: дискосимфонии наскучили, а ничего нового на ум не приходило. Так что предложение Харрисона было очень кстати. Две недели января 1987 года были посвящены обработке основных тем семнадцати новых композиций. Постепенно число песен сократилось до одиннадцати, они и вошли в пластинку, записывать которую помогали гитарист Эрик Клэптон, барабанщики Ринго Старр, Джим Келтнер и Рэй Купер, клавишники Элтон Джон и Гэри Райт, саксофонист Джим Хорн.

Несмотря на то, что музыканты сотрудничали с ним временно, у Харрисона появилось чувство, будто он снова играет в группе: «Битлз» были маленькой коммунной, и работа с Линном напомнила мне те времена: у нас общая ответственность, общие идеи». Присутствие Ринго сделало запись еще более приятной и добавило Джорджу уверенности. «Ринго — это я, только с барабанами. Я тоже в последнее время нечасто беру в руки гитару. Ну и практики не хватает. А Ринго может

месяцами не садиться за свои бочонки, но когда берет в руки палочки, подтягивает барабаны, то начинается настоящий рок — он играет как в те годы!»

Харрисон и Линн независимо друг от друга выбрали одни и те же песни для нового альбома. «Получается, о звуковой пропорции композиций мы рассуждаем одинаково, — говорит Линн. — По мнению Джорджа, большинство пластинок современных английских групп, записываемых при помощи самого сложного компьютерного оборудования, страдают ее отсутствием. Харрисон очень настороженно относится к компьютерной музыке».

Линн считает, что Харрисон прекрасно аранжирует свои произведения, добиваясь ясного и насыщенного звучания. «Джордж — король гитарного рок-н-ролла, его скользящая манера игры — как личное клеймо мастерского высочайшего класса. Вы только послушайте его дуэль с Клэптоном в главной композиции!» В балладах «Только сегодня», «Где-то еще» и «Вздых с небес» есть настроение спокойного созерцания, в нем — смысл духовной жизни Харрисона. Первая композиция пластинки — «Я думаю только о тебе», которую написал Руди Кларк и впервые спел известный блюзмен Джеймс Рэй, — в исполнении Харрисона звучит как яростный неотшлифованный рок-н-ролл, один из тех, которые сформировали его музыкальный вкус и которые он до сих пор предпочитает всем остальным формам музыки, если не считать восточную и европейскую классику. А композиции «Это любовь», «Какой ценой все достается» и «Рыба на песке» отражают взгляды Харрисона на современную музыкальную культуру.

Беспечная и, казалось бы, незатейливая песенка «Осколок вечерней звезды» бросает вызов одномерному образу Харрисона, созданному музыкальной прессой: мечтательный, вечно юный старик, копошащийся в огороженном стенами «Монастырского парка» садике. «Не знаю, задумаются ли люди над строчкой «Но он же стареет!» — говорит Харрисон, который в свои сорок пять лет выглядит как благообразный джентльмен. — И дело не в самом процессе старения — мне кажется, люди должны задумываться о том, что нас всех ждет. Песня получилась просто: я как-то беседовал вслух сам с собой — появилась такая стариковская привычка, и первые строки легли как-то очень легко. «Ну и молодец я», — подумал я и стал продолжать тему дальше. А вышла злобная атака на прессу!»

Разгром «поганых газетчиков», начатый в «Осколке вечерней звезды», продолжается в песне «Дьявольское радио». Харрисон все еще чувствует боль от уколов прессы, непрерывно перемивавшей кости «Битлз» в течение всей карьеры группы. В семидесятые годы та же самая пресса раздула отношения между первой женой Харри-

сона Пэтти Бойд и его близким другом Эриком Клэптоном до масштаба международного скандала, а когда Джордж пригласил Пэтти и Эрика, ставших уже мужем и женой, для участия в записи песни «Прощай, любовь!» (эта песня вошла в альбом Харрисона «Темная лошадка», 1974 год. — Примеч. пер.), из офисов бульварных газетенок донесся громкий вой.

«Я прошел через газетную травлю, я был объектом этой травли, и, возможно, этим дело не кончилось, — говорит Харрисон в песне «Дьявольское радио». — Однажды я проходил мимо церкви — где-то в маленьком городке в Англии, и на доске объявлений увидел плакат: «Сплетня — это радио дьявола. Не становитесь его диктором!» Я всегда был в стороне от сплетен, хотя... тоже внес свою лепту, поскольку был человеком, позволявшим сплетничать о себе. Какие же неленивые люди сплетники!»

Прелестная композиция в духе начала 60-х «Когда мы были знамениты» — совершенно ясно, что Харрисон говорит о «Битлз», — была задумана еще до начала работы над пластинкой «Вершина блаженства». Харрисон и Линн отправились по делам в Австралию, одновременно пробуя варианты песни, рабочее название которой в то время было «Волшебная четверка». Приятели забрели в маленькое кафе, Джордж попросил у местных музыкантов гитару: «Вдруг, когда я взял подряд несколько аккордов, получилось что-то очень похожее на ранние песни «Битлз» — я услышал, как Ринго колотит в моей голове по барабанам, вот так: раз, раз, да-да-бум, да-да-бум, и...»

Вернувшись домой, Харрисон и Линн продолжали изменять ритм, пока не получилась бодрая танцевальная мелодия. Обойтись без Ринго было невозможно, и сейчас мы слышим в композиции характерное постукивание басового барабана, «фирменный знак» Старра (однако Харрисон считает, что Ринго можно безошибочно опознать по сдвоенным дробям). Сам Джордж в последней части играет на ситаре. «Ничего серьезного, так, шутка», — говорит Харрисон о тексте этой песни, в которой даже есть элементы самопародии. И тем не менее ностальгию по шестидесятым, пронизывающую эту вещь, почувствует любой, помнящий то десятилетие.

Куда более грубой формой эксплуатации наследия «Битлз» стал коммерческий ролик фирмы «Найк», в котором используется гимн 60-х, песня Леннона «Революция» — здесь она рекламирует «революцию в обувном деле!» Старр, Харрисон, Маккартни и Йоко Оно подали в суд на «Кэпитол рекордз», записавшую жалкую пародию на одну из самых сильных вещей «Битлз». Инстанции рассматривали иск, а рекламный ролик в сопровождении искаленной песни регулярно выходил в эфир. Поскольку конца этому не было видно, Йоко предложила ком-

промиссный вариант: если фирма так хочет забавляться именно «Революцией», то не лучше ли воспользоваться оригиналом?! В конце концов, теперь с экранов звучат голоса «Битлз». «Ох уж эти «всемогущие», у которых есть права на все! Точнее — они считают, что у них есть право распоряжаться всем, — с отвращением говорит Харрисон о приобретении Майклом Джексоном авторских прав на песни «Битлз», записанные фирмой «Кэпитол рекордз». — Мне кажется, нам следует быть более непреклонными, хотя Йоко навела нас на правильную мысль. В конце концов, она законная наследница Джона, и в решающем голосе есть и ее четвертая часть».

«Историю «Битлз» можно представить и так, — продолжает Джордж. — Жили-были четыре бестолковых парня, которые по-дурацки обращались со своим трудом и разбрасывались пластинками направо и налево. Мы могли бы уже тогда позаботиться о лишних миллионах, но нам казалось, что такая мелочность пойдет во вред песням, да и образ «Битлз», и так изрядно пострадавший от прессы, пострадал бы еще больше. Как сказал Боб Дилан, «Деньги не говорят, они богохульствуют». Есть люди, которые все измеряют деньгами, это люди без принципов. А у нас они есть».

Попытки Харрисона проникнуть в глубины восточной философии, его опыты с индийской народной музыкой оказали огромное влияние на молодежную культуру Запада, став на время даже чем-то вроде моды. Постепенно образ Харрисона в глазах поклонников менялся: из «самого спокойного битла», как когда-то его окрестили журналисты, он превратился в «самого серьезного» — столь же незаметно Харрисон отгораживался своими убеждениями от остального «материального мира», в котором жили холодные прагматики, а также те, кто сомневался в искренности его убеждений.

За эти годы он почти не изменился, хотя суждения по некоторым вопросам стали менее категоричными. «Черт возьми, это действительно ужасно!» (это я его спросил, что он думает по поводу упадка английской глубинки за годы правления Маргарет Тэтчер), и вдруг: «Но какой смысл говорить об этом, ни вы, ни я не знаем правильного решения!» — а лет пятнадцать назад Харрисон не преминул бы пройтись по адресу правительства. Бунтаря больше нет, остался усталый буржуа? «Но я же и вправду не знаю ответа — мне кажется, все идет от болезни наших душ, прежде всего каждый должен разобраться в самом себе: чем больше появится людей, обладающих душевной силой, я бы сказал, духовным разумом, тем убедительнее прозвучит их голос в борьбе за переустройство нашего мира».

Для понимания глубины его поисков слушателю необходимо понять не только музыку этого человека, но и

его самого. «Когда я был моложе и плыл по течению, однажды пришла мысль: «Кто я, зачем живу?» Вы можете сказать, что этот вопрос задают себе все молодые люди, но многие ли нашли на него ответ? В те годы я очень хотел найти истину, я до сих пор ищу ее и, может быть, никогда не найду. Но я начал понимать себя, а значит, и других, вас, например, — улыбается Харрисон. — По-моему, в юности я был более многословным, видимо, из-за недостатка знаний и опыта. Сейчас знаний прибавилось, они во мне, и нет смысла понапрасну сотрясать воздух».

Ступенью на пути к душевному равновесию стало рождение ребенка, сейчас Дхани уже девять. «Иногда размышления доводили меня чуть ли не до безумия, и когда родился сын, я подумал: «Надо немного пожалеть себя, пусть у ребенка будет здоровый отец». И, знаете, быть отцом — это чертовски здорово! А все разговоры о проблемах взаимопонимания между людьми не стоят ломаного гроша, если вы не научитесь понимать своего собственного ребенка, а он — вас, это и есть школа «народной дипломатии».

В чем-то Харрисон прав, прошлый год, впрочем как и позапрошлый, стал годом разговоров о стыках поколений: двадцатилетие пластинки «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пепера», триумф групп шестидесятых годов — эти события не случайно так широко освещаются в прессе, это еще раз доказывает, что поколения шестидесятых и восьмидесятых прекрасно ладят друг с другом и являются, по сути, одним целым. Что же означает для Харрисона этот взгляд назад, в прошлое?

«Мне кажется, главным образом это все-таки ностальгия. Мои сверстники просто вспоминают, за каким занятием их застала, например, наша песня «Я хочу держать тебя за руку». Другие, в том числе и я, помнят шестидесятые по трагедии президента Кеннеди. Но для многих взгляд в шестидесятые связан либо с историей «Битлз», либо с ностальгией по ним».

Какой это имеет смысл сегодня? Как мне кажется, для большинства молодых людей интерес к прошлому означает воскрешение надежд на будущее. В конце концов, музыку «Битлз» слушают не только потому, что это музыка «Битлз», но и потому, что это музыка — нынешние подростки прекрасно в ней разбираются, сравнивают с другой музыкой и какой делают вывод?»

Отдельные представители нового поколения заглядывают даже в такое прошлое, в котором еще не было «Битлз». «Например, мой сын, — продолжает Джордж, — он одержим музыкой Чака Берри. Когда я выступал на благотворительном концерте в Лондоне, Дхани впервые увидел меня на сцене перед публикой, с гитарой в руках. Кое-что о «Битлз» он, конечно, знал, но немного, я никогда не подталкивал его к нашей музыке, никогда не гово-

рил: «Вот, видишь, кем был твой отец!» Так вот, на концерте я сделал две свои песни «Сюда придет солнце» и «Моя гитара тихо плачет». На обратном пути я спросил его: «Ну, и что ты думаешь?» Он ответил: «Ты мне понравился, папа, было очень здорово», немного помолчал и вдруг выпалил: «А почему вы не исполнили «Чем я хуже Бетховена?!», «Джонни, будь послушным» и «Рок-н-ролл мюзик»?» Я лишь пожал плечами: «Но, Дхани, ты же был не на концерте Чака Берри!»

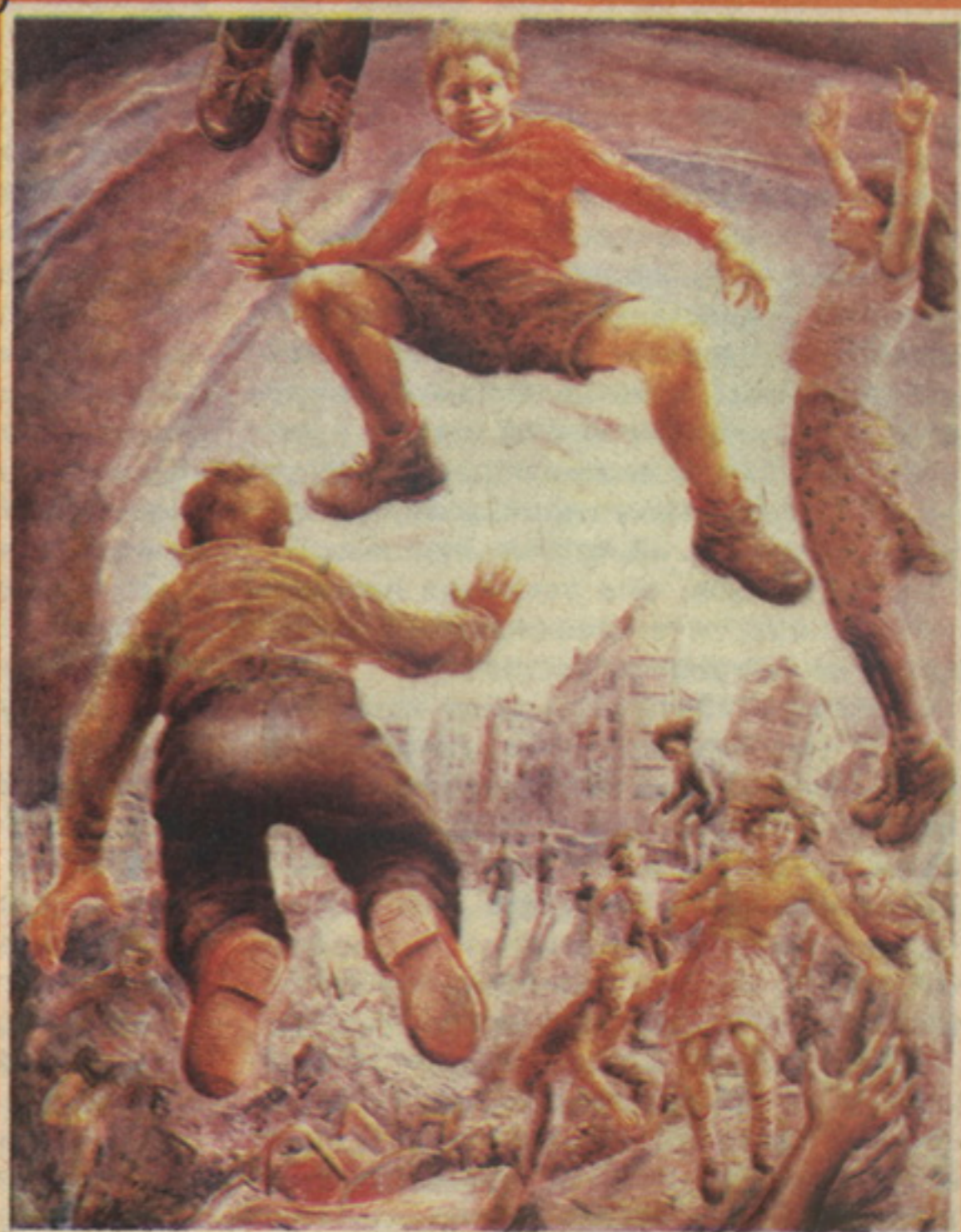
Нельзя сказать, что Харрисон окончательно расстался со своим прошлым, несмотря на то, что «Вершина блаженства» позволяет ему уверенно смотреть в будущее. Выступление в позапрошлом лондонском концерте тоже напомнило о прошлом. После того как Джорджу предложили выступить, позвонил Ринго: оказалось, что его тоже пригласили, и так же, как и Джорджа, не предупредили, что они оба будут участвовать. «Ринго что-то рассказывал о своем внуке, — улыбается Харрисон, — и потом нехотя буркнул: «Тут звонят целыми днями, говорят, я им нужен на каком-то концерте, но не могу же я играть без тебя». В этом весь Ринго: друг на всю жизнь. Но я понервничал изрядно — нет, я не сомневался в Ринго ни на секунду, просто я понял, что кто-то вновь вытаскивает эту чушь о воссоединении «Битлз». Кажется, этот миф будет жить вечно! Понимаете, — оживает Харрисон, — одно дело, когда я выступаю один или даже с Ринго, но все равно не как «Битлз». Если я когда-либо и выйду на сцену в качестве «бывшего члена группы «Битлз» — «Битлз» больше нет, и не может быть без Джона! — то я обязан подготовиться к этому событию, потому что это буду уже не я, а часть того, о чем мы с вами говорили».

Итак, опять вспышка бреда под названием «Битлз» воссоединяются? Увы — или слава богу? — этого не произошло, да и вряд ли произойдет, но Джордж и Ринго выступили вместе, в конце концов, это хоть какие-то сбывшиеся надежды. «Я понял главное, — говорит Харрисон, — мои друзья — Эрик Клэптон, Боб Дилан, Ринго, все остальные — уже немолодые люди, но мы не старики. Это как старое вино: чем почтеннее возраст, тем тоньше вкус. И еще, с возрастом мы становимся проще в общении, пропадают юношеские амбиции, детская зависть к успехам друг друга, и ничто не мешает работать в полную силу. К сожалению, к этому приходишь только в зрелом возрасте. Но главное — непосредственность контакта». Наверное, он говорит о контактах с тем самым «материальным миром». Что ж, у Харрисона появилась новая идея, точнее — идея, новая для Харрисона, и это значит, что сейчас он на вершине блаженства.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

Восточный экспресс. Берлинское метро. 1982.

Сидящие напротив. 1985.

Безработный в парке. 1976.

Совесник 8/88

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Пестрая бабочка, лети медленно!» — о помощи испанской молодежи пострадавшим от стихийного бедствия в Сванетии. «Кид Динамит» — очерк о новой звезде в боксе Майке Тайсоне. «Любовь и «Скорпионы» — о гастролях в СССР рок-группы «Скорпионс».

Моника Зивеккинг родилась в 1944 году в Потсдаме. В 1970-м окончила Высшую художественную школу в Западном Берлине. Современность — ее постоянная тема. «Зачем мне творить для вечности! — сказала она в одном из интервью. — Я хочу ставить в своих работах проблемы, которые вижу сейчас...» Желая постичь жизнь современного человека во всех ее проявлениях, она подрабатывала в Сицилии сборщиком оливок, год работала в западноберлинской клинике Стеглитца, где побывала во всех ее отделениях и рисовала пациентов, врачей и посетителей. Свои выставки часто устраивает сама — в жилых кварталах, в профсоюзных столовых, книжных магазинах. На выставках она же организует дискуссии с публикой, дискуссии, в центре которых стоят те вопросы, что занимают ее всю жизнь: как остаться человеком в мире, где столь много бесчеловечного! Как сохранить мир! Как создать для человека достойные условия существования!

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.

PINK FLOYD

С л е в а и п р а в о: Ник Мэйсон, Сид Баррет, Ричард Райт, Роджер Уотерс... Двадцать лет назад так выглядел первый состав «Пинк Флойд». Вот уже более 20 лет музыка «Пинк Флойд» восхищает поклонников группы, становится предметом полемики музыковедов, вдохновляет поэтов, кинорежиссеров, художников и балетмейстеров на создание эпических произведений, таких же странных и ирреальных, как композиции «Пинк Флойд».

Группа соединяет не только музыкальные стили и направления, но и целые пласты музыкальной культуры — от барокко и ренессанса до импрессионизма и модернизма. Музыкальные полотна «Пинк Флойд» поражают причудливостью палитры и глубиной перспективы, здесь фундаментализм приносится в жертву гармониям, из которых соткан зыбкий холст музыки. Как призрачные замки в облаках, мелодии теряют свои «шпильки» и «башни», на их месте появляются новые, еще более прекрасные и совершенные...